

143
U456
70

143

456

N° 33.

54
/4

IN
752

~~11/11~~

ОФИЦЕРСКІЯ ЗАПИСКИ.

2007044066

У 143
456

Голышевъ
Н. С.

45

ОФИЦЕРСКІЯ ЗАПИСКИ,

ИЛИ

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОХОДАХЪ

1812, 1813 и 1814 годовъ.

КНЯЗЯ Н. Б. ГОЛИЦЫНА.

Et quorum pars minima fui.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чптобы по оппечатаиіи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. С. Петербургъ, Октября 27 дня, 1836 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

20959-44

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

1812 годъ.

Не намъ не намъ а имени Твоему.

Справедливо говоряшь, что воспоминанія молодосии усаждають спаросишь, въ особенносии когда они ошносяшя къ важнымъ и знаменнымъ въ Истории событіямъ. Но какая Эпоха можешъ предснавишь болѣе такихъ событій, чѣмъ крапкій промежутокъ времени копорый оидѣляешъ лѣто 1812 оиъ вѣсны 1814? Много вѣковъ пошонуло въ прошедшемъ, много пошнешъ въ будущемъ, но вѣрно ни въ одномъ изъ нихъ не было и не будешъ двухъ лѣтъ такихъ полныхъ и чудныхъ. Оиѣ заключають въ нѣдрахъ своихъ цѣлую сокровищницу наснавленій, ошкрышую для каждаго мыслящаго человѣка, кошорый захочешъ изучишь уроки, данные погда Провидѣніемъ человѣчесиву. Счастливыи въ моемъ ничшожесивѣ шѣмъ, что я самъ былъ пылинкою въ соснавѣ огромныхъ орудій, копорыми дѣйшвовало Провидѣніе для досшиженія

своей цѣли, я всегда съ неизъяснимымъ удовольствіемъ перепошусь мысленно къ тому времени, когда минушныя бѣдствія, постигшія мое опечесство, уступили мѣсто торжесствамъ и славѣ, шѣмъ болѣе чистой, что мы великодушно опплашили за покушеніе завоеванъ насъ, освобожденіемъ народовъ, упадавшихъ подъ пягосшью владычесства Наполеона. О, слава, безсмершная слава, великому Государю, кошораго Богъ назначилъ бышь исполнителемъ высокыхъ своихъ предначертаній, попому что онъ былъ на то и достойнѣйшій. Александръ, кошораго попомсство поставилъ выше всѣхъ шѣхъ великихъ мужей, кошорыхъ Исторія передала намъ однѣ шолько знаменныя дѣянія, первый показалъ вселенной, изумленной шолкими доблестями, что насшоящая слава состоитъ въ великодушій, правосудіи и кротосши и что для одержанія побѣды въ правомъ дѣлѣ, вѣра, молишва, и упованіе на помощь Всевышняго, дѣйствительнѣе могущесства власшлюбца, располагающаго безчисленными средсствами. Эши чувсства, кошорыя одушевляли всѣхъ шѣхъ, кошорые имѣли стасшіе учасствовашъ въ эшихъ незабвенныхъ походахъ, возродились въ сердцахъ нашихъ посреди досшопамяиныхъ произсесшвій, кошорыхъ мы были очевидцами, и для полного уразуменія характера эшой эпохи необходимо прислушашься къ біеніямъ Русскаго сердца при

каждомъ переворотѣ споль занимапельной полишической драмы, кошорой шеанромъ была Европа. Если я беруь за перо, шо болѣе для шого чшобы передашь чпшашелямъ впечатлѣнія, возбужденныя во мнѣ шѣми достопамяшными собышїями, кошорыхъ былъ свидѣтелемъ, «et quorum pars minima fui». Въ моихъ очеркахъ не должно искань ни ученыхъ спрашегическихъ разборовъ, ни каршинъ общихъ военныхъ дѣйствїй. Другіе съ опшичнымъ успѣхомъ совершили эшошъ шрудъ; я намѣренъ помѣшпш здѣсь одни шолько шѣ обшоашельсшва, кошорыя сбылись въ моихъ глазахъ, обрисовашь ихъ фшзїономїю, и дашъ опченъ въ чувешвахъ, кошорыя онѣ во мнѣ возбуждали.

Когда вѣспъ о шпорженїи несмѣшныхъ полчищъ Наполеона разнеслась по Россїи, можно сказать, что одно чувство одушевило всѣ сердца, приверженныя къ Царю и Отечеству. Не скрывая опъ себя всю опасность угрожающую отечеству наводненному многочисленными и привыкшими къ побѣдѣ арміями, подъ предводительствомъ самаго знамениаго и опышнаго полководца, предъ кошорымъ уже со страхомъ пали многія Европейскія державы, оставалось каждому изъ насъ принести, въ жершву родинѣ, свою жизнь и достояніе, предоставляя Богу обрашпш эшошъ порывъ священнаго чувешва къ шоржесшву правосудїа. Проникнушый ша-

кимъ же чувствованіемъ , я оспавилъ деревню, гдѣ жилъ, и поспѣшилъ въ С. Пешербургъ просить о назначеніи въ дѣйствующую армію, мало забошясь о выгодахъ, копорья предспояли мнѣ, или нѣтъ при опредѣленіи въ службу.

Я выѣхалъ изъ эшой столицы 5-го Іюля. Назначеніе мое было въ главную кварширу вшорой арміи , кошорою тогда командовалъ генераль опъ инфаншеріи Князь Баграшюнъ. Въ шо время первая армія , подъ начальспвомъ генерала Баркляя де-Толли , находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ , а вшорая всупивъ изъ своихъ кваршеръ въ Волинской Губерніи, подвигалась для соединенія съ нею. Такое расположеніе обѣихъ армій поснавило меня въ необходимосшь примкнушь къ первой и слѣдовать за нею до предполагаемаго соединенія. Я сначала направилъ пушь на Дриссу, но узнавъ дорогою, что армія двинулась опшуда къ Вишебску, сворошилъ на Полоцкъ , и нагналъ ее въ шо самое время, когда происходила кровавая бшва подъ Оспровнымъ.

Изъ всѣхъ впечатлѣній, поражающихъ неопытнаго молодаго челошъка, при всупленіи его на военное поприще, я не думаю, чтошбы какое либо могло сравнишься съ шѣмъ, кошорое ожидало меня къ самому пріѣзду. Чшобы не сбинься съ дороги , я ѣхалъ по направленію опзывающихся вдали пушечныхъ выстрѣловъ, и прибли-

жаясь къ полю сраженія , первая картина , которая представилась моимъ глазамъ , были раненые, принужденные оставишь бой, чшобы искать врачебной помощи. Разрубленные черепы, опрѣзанныя руки и ноги , вопль спраждующихъ , смерть, грозившая эшимъ несчастнымъ, которые за минушу до того были здоровы и не ожидали никакой участи, — все эшо пакъ меня взволновало, чшо слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ, и я долженъ былъ удалиться ошъ зрѣлица, несмершимаго для семнадцати-лѣшняго юноши. — Впослѣдствіи , мнѣ часно случалось бышь свидѣтелемъ гораздо ужаснѣйшихъ картинъ разрушенія, но никогда уже не чувствовалъ я шого, чшо ощутилъ въ эшо время.

Два брата мои служили въ лейбъ гвардіи конномъ полку , я присоединился къ нимъ до встрѣчи со шпорою арміею. Жаръ былъ нестерпимый ; войска шли день и ночь , опдыхали на привалахъ по два или по шри часа , и пошомъ снова продолжали путь. Такимъ образомъ дошли мы до Смоленска, подъ снѣгами кошораго явились въ концѣ Юля. Князь Баграціонъ прибылъ шуда почти въ шоже время. Соединеніе Русскихъ армій не могло совершиться съ бѣльшимъ успѣхомъ : одинъ день разницы могъ бы имѣшь самая гибельная послѣдствія. Такое счастливое соединеніе двухъ армій, не смолря на всѣ усилія непріяшеля , представилось мнѣ шогда же,

какъ знакъ особаго расположенія Провиденія къ будущему успѣху нашего оружія. Я пошчасъ явился къ Князю Баграціону, который принялъ меня съ особливою ласкою, и оставилъ при себѣ на ординарцахъ. — Дивизія Генерала Невѣровскаго, сбишая превосходными силами изъ подъ Краснаго, предвѣщала, что Смоленскъ скоро будетъ предметомъ всѣхъ непріятельскихъ усилій. Не входило въ планъ главнокомандующаго Барклая-де-Толли дать генеральнаго сраженія, но ему необходимо было удержанъ на нѣсколько времени Смоленскъ за собою, для того чтобы армія могла совершить свое дальнѣйшее опешупленіе: это дѣло поручено было Генералу Раевскому. Во время пребыванія нашего въ Смоленскъ я былъ свидѣтелемъ одной сцены, о которой упоминаю только для того, чтобы показанъ, что кромѣ внѣшнихъ враговъ, у насъ были еще другіе.

Офицеръ, присланный отъ Генерала Невѣровскаго съ извѣстіемъ объ его пораженіи, привезъ съ собою шкапулку, сначала разбишую, потомъ запечашанную. Съ нимъ пріѣхали пожилой мужчина въ губернскомъ мундирѣ, съ Аннинскимъ крестомъ на шеѣ, и его осьмнадцатилѣтній сынъ. Шкапулку опнесли въ кабинетъ главнокомандующаго, а два незнакомца остались съ нами въ пріемной залѣ. Черезъ четверть часа дверь кабинета отворяется; Князь

Баграціонъ съ грознымъ видомъ выходилъ къ снаршему изъ прѣзжихъ, и не говоря ни слова, срываешь съ него Аннинскій креспъ; тогда онецъ и сынъ съ воплемъ бросились ему въ ноги, но дѣло кончилось шѣмъ, что Князь приказалъ взять ихъ обоихъ подъ спражу. Я не имѣлъ въ послѣдствіи случая узнать, чѣмъ рѣшилась участь этихъ несчастныхъ, но это обстоятельство уже тогда убѣдило насъ въ существованіи измѣнниковъ, въ провинціяхъ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи.

Подъ Смоленскимъ 4 и 5 Августа происходила упорная битва, между шѣмъ какъ обѣ арміи оспунали къ Дорогобужу. 6-го числа городъ былъ очищенъ при чемъ увезена и икона Смоленской Божіей Машери; а 7-го, первая армія выдержала жаркое сраженіе при Валуниной горѣ. Вторая шла параллельно съ нею въ направленіи къ Вязьмѣ.

Приближаясь къ Гжашку, мы узнали о прибытіи новаго Главнокомандующаго, и всѣ съ неперпѣніемъ спали гошовишься къ битвѣ. Кушувовъ чувствовалъ необходимость дать генеральное сраженіе не доходя до Москвы, шѣмъ болѣе, что Французская армія во всякомъ случаѣ должна была претерпѣть большой уронъ, кошораго ей невозможно было замѣнить, тогда какъ мы ежедневно усиливались подкрѣпленіями, подходившими со всѣхъ сторонъ госу-

дарства. Мѣспомъ для битвы было избрано Бородинское поле, въ девяти верснахъ оиъ Можайска.

Арріергардныя дѣла съ нѣкотораго времени спановились упорнѣе: 24-го числа Августа въ направленіи оиъ Колоцкаго монастыря къ деревнѣ Шевардиной, большая часть арміи Князя Баграціона вешуила въ бой. Битва была кровопролитная и продолжалась до поздней ночи. Нѣсколько орудій были ошбины у непріателя, мы лишились части своихъ, но самая кровавая схватка завязалась у деревни Шевардиной. Здѣсь мнѣ предспавилась ужасная картина обоюднаго ожесоченія, кошорой впослѣдствіи нигдѣ не встрѣчалъ. Сражавшіеся бапаліоны, Рускіе и Французскіе, съ распянуымъ фрншомъ раздѣленные только крупымъ, но узкимъ оврагомъ, кошорый не позволялъ имъ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, подходили на самое близкое разспояніе, ошкрывали одинъ по другому бѣглый огонь, и продолжали эту убійственную переспрѣлку до шѣхъ поръ, пока смерть не размешала рядовъ съ обѣихъ споронъ. Еще разительнѣе спало эшо зрѣлище подъ вечеръ, когда ружейные выспрѣлы сверкали въ шемношѣ какъ молніи, сначала очень густо, пошомъ рѣже и рѣже покуда все ушшло, по недоспашку сражающихся.

То было первое дѣйствительное жаркое сраженіе, въ кошоромъ мнѣ случилось участвовашь, и я счастливо опдѣлался опъ шакой опасности только коншзиею въ лобъ, причиненной пулею, кошорая пролешла черезъ мою фуражку. Тушь я имѣлъ случай испышашь какъ впечатленія могушь бышь различны смопря по обспояшельсшвамъ, въ кошорыхъ мы находимся. Когда по пріездѣ моемъ въ армію, я былъ шакъ неожиданно пораженъ зрѣлищемъ всѣхъ раненныхъ, сдѣлавшихся жершвою бшвы подѣ Оспровнымъ, шо мнѣ предспавилось какъ будшо бы невозможно возврашиться съ поля сраженія иначе какъ въ подобномъ положеніи. Но когда я шушь испышалъ на себѣ, что можно выдержашь самый смерпоносный огонь, и оспашься ни убишымъ, ни шажело раненнымъ, шо я увѣрился что удѣлѣю несомнѣнно послѣ всѣхъ сраженій, въ кошорыхъ доведешся впослѣдспвіи участвовашь. Счастливѣ шомъ, кошорый на войнѣ можешъ въ шомъ увѣришья, пошому что онъ шогда сохрانشь все спокойсшвіе и приешсшвіе духа, необходимыя на полѣ сраженія. Впрочемъ, по мнѣнію моему, шакая увѣренность и надѣянносшь на невредимосшь, посреди опасносшей, можешъ поселиться только въ шомъ сердцѣ, кошорое совершенно предаешся на волю Божію. Что до меня касашься, шо примѣръ оправ-

далъ сіе правило, ибо мнѣ довелось въ послѣдствіи участвовати по крайней мѣрѣ въ пятидесяти схваткахъ, битвахъ и сраженіяхъ, и кромѣ убишой подо мною лошади въ Кацбахскомъ дѣлѣ, я никогда не получилъ малѣйшей царапины. Само собою понятно, что я здѣсь разумѣю только о шѣхъ, когорые не опвергли всякое христіанское чувство, потому что есль храбрость, которая можетъ быть основана на всемъ противоположномъ образѣ мыслей. Напримѣръ, Наполеонъ, когорому никто не откажетъ въ неуспрашимости, возражалъ шѣмъ, когорые ему совѣщивали не слишкомъ подвергаться опасностямъ, что по ядро, которое могло бы его убишь, еще не вылипо, но онъ вѣрилъ въ *судьбу* или *предопредѣленіе*.—Но возвратимся къ нашему повѣщиванію, которое мы оставили на самомъ занимательномъ перодѣ опечесшвенной войны.

25-е число прошло въ приготовленіяхъ къ генеральному сраженію.—Глубокая тишина, которая господствовала повсюду, была предвѣстницею грозы. По всей линіи провозили икону Смоленской Божіей Матери, и каждый изъ насъ могъ пригосовишься съ благоговѣніемъ къ принесенію себя въ жертву Царю и Опечесшву. Величественная минуша, которая никогда не изгладится изъ памяти моеи!

На другой день 26-го Августа нашла долго ожидаемая бивва, названная исполинскою.

Въ пять часовъ утра переспрѣлка слышалась у лѣваго фланга, копорый занимала вшорая армія, и въ одно мгновеніе распроспранилась по всей линіи. Раздался громъ двухъ тысячъ пушекъ и двухъ сотъ тысячъ ружей, копорый пошрясалъ землю подъ ногами нашими, и извергалъ смерть съ шакою адскою быспрошою, что всякое спасеніе казалось невозможнымъ. — Сильное спремленіе безчисленныхъ колоннъ непріательскихъ, покушающихся всячески овладѣть нашими орудіями, навалило огромнѣйшую груду мертвыхъ шѣлъ предъ башарею Генерала Раевского, у подошвы копорой исчезали цѣлыя дивизіи. Ожеспоченіе немовѣрное и непоспимое для того, копорый небылъ очевидцемъ шакой ужасной боръбы. Какъ жизнь человѣческая являешся во всемъ ничпожеспвѣ своемъ, въ шакія минушы, гдѣ оспрая и неумолимая коса смерти шакъ безоспановочно дѣйспвуешъ и очищашъ все вокругъ насъ, что каждая секунда, кажешся, должна бытъ послѣднею нашей жизни, и при беспреспанномъ шакомъ разрушеніи, всѣ чувспва до того умолкающъ, что глаза не въ силахъ уронить слезы при видѣ надшаго друга, копорого рука, за минушу до того зжимала нашу. Но эшопъ доспспамяшный день,

пожравшій сколько драгоценныхъ жертвъ, гово-
 рилъ нашимъ сердцамъ самый чувствитель-
 ный ударъ. Въ 44-ть часовъ утра обломокъ
 гранаты ударилъ нашего возлюбленнаго Гене-
 рала въ ногу и сбросилъ его съ коня. Здѣсь
 суждено ему было кончить блистательное
 военное служеніе, въ продолженіи кошораго
 онъ вышелъ невредимъ изъ пятидесяти багалій.
 Его отличные подвиги подъ начальствомъ без-
 смертнаго Суворова, и собственныя распоря-
 женія, когда онъ командовалъ арміями, противъ
 Шведовъ и Турковъ, увѣнчали его заслужен-
 ными лаврами. Быстрое и искусное движеніе,
 кошорому мы обязаны соединеніемъ Рускихъ
 армій подъ Смоленскомъ спавишь его въ число
 избавителей Россіи въ 1812 году. Самоопвер-
 женіе съ каковымъ онъ подчинился младшему
 его по службѣ генералу Барклаю, доказываетъ
 что онъ умѣлъ заглушить чувства самолюбія,
 когда дѣло шло о спасеніи опечесива и пови-
 новеніи воли своего Государя. И въ этомъ слу-
 чаѣ не суешное щеславіе руководило имъ: онъ
 уже былъ осыпанъ всѣми знаками отличія и по-
 честіями, кошорыя можно было желать въ столь
 высокомъ санѣ; но онъ поступилъ какъ истин-
 ный сынъ опечесива, и послѣдовалъ чувству
 опверженія, кошорое въ времена пѣжкаго испы-
 панія, какъ шогдашнія, облегчаетъ всякое по-
 жертвованіе. Къ сожалѣнію, блистательный

успѣхъ эпои компаніи не усладилъ послѣднихъ минушъ князя Баграціона; онъ скончался въ имѣніи моего опца, селѣ Симѣ Владимірской Губерніи, 12 Сентября въ самое горькое время, для сердца пылавшаго любовью къ опечесшву, каковое погдашнее положеніе дѣлъ сильно дѣйствуюющее на пашрїопическую его душу, уже изнуренную шѣлесными спраданіями, вѣрояпно, ускорило кончину его. Тамъ понынѣ покоишся его прахъ. Досшойная его славы надгробная, можешъ заключишся въ слѣдующихъ чешырехъ словахъ: *Hic cinis, ubique fama*: Здѣсь прахъ, повсюду слава. Когда его ранили, онъ, не смощря на свои спраданія, хошѣлъ дождашся послѣдешвїи скомандованной имъ ашаки вшорой кирасирской дивизіи, и собсшвенными глазами удосшошвѣришся въ ея успѣхъ: послѣ эпого, почувсшвовавъ душевное облегченіе, онъ осшавилъ поле битвы. При послѣднемъ прощаніи со мною, онъ посошѣповалъ мнѣ явишся въ Кїевской драгунской полкѣ, куда онъ меня опредѣлилъ, пошому что уважалъ чрезвычайно храбраго командира эпого полка полковника Емануеля, о кошоромъ я часшо буду имѣшъ случай говоришъ въ продолженіи эшихъ записокъ.

Бородинское сраженіе никшо уже не называешъ проиграннымъ. Оно сшоило ужаснаго множесшва людей съ обѣихъ споронъ, но ни

одна спорона не приобрѣла рѣшительнаго перевѣса. Извѣстно, что Французская армія опшунила ночью за 12-ть верстѣ, и что съ нашей спороны было предпринято на другой день наступательное движеніе, но главнокомандующій, получая со всѣхъ споронъ донесенія о невозможности опредѣлить насоящую убыль, и число людей могущихъ бытъ въ спрору, рѣшился опшунить. Я знаю по самымъ досповѣрнымъ свѣдѣніямъ, что въ эпошу день мы имѣли подѣ ружьемъ всего 96000 человекъ; по словамъ же самихъ Французскихъ писателей, непріятельская армія была гораздо многочисленнѣе.

Сильная боль опѣ коншузій, полученной 24-го числа въ голову, и усталость послѣ эполько упоминательныхъ шрудовъ, принудили меня опправиться въ Москву, куда я прибылъ 31-го Августа. Но какъ видѣ эпоей величественной эполицы уже тогда измѣнился! едва на улицахъ встрѣчались экипажи: дворянство и множество жинелей другихъ сословій выѣхали изъ города. Люди, которые попадались изрѣдка на встрѣчу, ходили на безпріютныхъ спрощъ, ожидающихъ какого-шо неизбежнаго бѣдствія. Споило эполько выйти на улицу въ военномъ мундирѣ, чтобы привлечь за собою эполну любопытныхъ: эпочасъ начинались распросы, — идешь ли непріятель? какъ кончилась Бородинская битва?

будешъ ли сраженіе подь Москвою? бѣжапъ ли изъ города? Эти вопросы спавили меня въ большое запрудненіе, однако я успокоивалъ шѣхъ, кошорые собирались осавляпъ сполицу, и увѣрлял ихъ въ невозможности сдачи Москвы неприащелю безъ упорнаго сопрошивленія. Признаюсь опкровенно, я былъ увѣренъ въ истинѣ моихъ словъ, и никакъ не предспавлял себѣ, чпобы сполица Россіи могла быпъ опдана Французамъ безъ высрѣла. Я раздѣлял это убѣжденіе со всеми моими сослуживцами, кошорые не имѣли свѣдѣнія о планѣ, приняпомъ военнымъ совѣшомъ въ деревнѣ Филахъ.

На другой день, 4-го Сеншября, было воскресенье; я опсправился къ обѣднѣ въ Успенскій Соборъ. Въ послѣдній разъ было суждено опсправляпъ Божеспвенную Лишургію въ эшомъ храмѣ Преосвященному Августшну, но кшо могъ бы это шогда предсказашъ? Толпа народа наполняла храмъ Божій; на всехъ лицахъ изображалась глубокая гореспъ и вмѣшпъ покорность волѣ Всевышняго. Никогда не видалъ я шакого всеобщаго благочеспія; все сердца единодушно были расположены къ молишвѣ. Воспоминаніе объ эшой досшопамяшной обѣднѣ никогда не изгладшся изъ памяти моей. Самъ Преосвященный служилъ съ глубокимъ чувствомъ умиленія, и когда поднимая влажные свои взоры къ Небу и обращааясь къ народу,

онъ произнесъ слова — «*Горѣ илѣемъ сердца*,» всѣ присущивующіе усpreмили глаза, омоченные слезами, къ единому Упѣшителю въ скорбѣхъ нашихъ! Каждый разъ, какъ я послѣ того имѣю случай проѣзжать чрезъ Москву, я не упускаю посѣщать эшого великолѣпный храмъ, гдѣ мыслю переносусь, въ забвеніи всего мірскаго къ споль шоржественному часу запечатленному въ сердцѣ моемъ неизгладимую черпою. Царь небесный услышалъ моленія эшого собранія вѣрующихъ. Онъ дозволилъ разрушеніе и поруганіе свяшаго храма своего для шого, чшобы испребишь поругашелей, и возвеспи его въ новомъ великолѣпнн изъ развалинь.

2-го Сеншября, въ день вѣчно достопамяшннй для Москвы, я всалъ рано по упру, съѣлъ на коня и поскакалъ къ Смоленской заславѣ, съ намѣреніемъ узнать шамъ чшо нибудь о дѣйствіяхъ арміи, и въ случаѣ новой бшшвы, спѣшишь къ своему мѣспу, чшобы вмѣстѣ съ другими жершвовашъ собою за древнюю Сполицу Опечешва. Недалеко опъ заславы, я вспрѣшилъ главнокомандующаго, кошорый совѣмъ своимъ шпабомъ вѣзжалъ въ городъ. Случай былъ превосходный для разрѣшенія моихъ недоразумѣннй. Я шущъ же нашель роднаго брата моего, незадолго передъ шѣмъ посшупившаго въ адъюпаншы къ генералу Кушозову, и присоединившись къ многочисленной свишѣ,

ѣхалъ съ нею черезъ всю Москву. Шестивіе наше продолжалось нѣсколько часовъ. Всѣ казались углубленными въ размышленія, ничѣмъ непрерываемыя: пишина и молчаніе царствовали въ продолженіи всего нашего шашинспвеннаго шестивія, кошораго цѣль и направленіе были извѣсны одному шолько главнокомандующему. Изрѣдка встрѣчались жипели, на лицахъ кошорыхъ выражалось безпокойспвіе; но всѣ дѣлаемые и повшоряемые ими вопросы оспавались безъ ошвѣта. Наконецъ вдали мелькнули два бѣлые шполба. Заспава! по какая? говорящъ, Коломенская. — Да куда же мы идемъ? — Богъ знаетъ. — Вошъ единшвенныя восклицанія и вопросы, кошорые прерывали глубокое молчаніе до шого сохраняемое. У эпош заспавъ мы нашли Московскаго военнаго Губернашора графа Расшопчина; онъ не слѣзая съ лошади, переговорилъ шопомомъ съ главнокомандующимъ, и возвратился въ Москву, кошорую мы покидали. Здѣсь шолько ошкрылась намъ пшина. Я не изъ числа людей, кошорые послѣ развязки увѣряющъ, что еще за ранѣ предвидѣли послѣдшвія сдачи Москвы непріятелю: признаюсь: неизьяснимая горешъ сдавила мое сердце, когда наши сомнѣнія исчезли. Могу сказать, что я раздѣлялъ эпо чувштво со всѣми шоварищами, кошорые, подобно мнѣ, судили по своимъ впечатлѣніямъ и не имѣли дальновидности, увѣн-

чавшей такимъ блистательнымъ успѣхомъ со-
 ображенія Генераловъ Голенищева-Кутузова и
 Барклая де Толли. На прешій день когда за-
 рево пылающей Москвы озарило насъ своимъ
 свѣтомъ, слезы градомъ пошекли изъ глазъ мо-
 ихъ. Но скоро сердце мое оживилось, и я по-
 чувствовалъ внутреннюю опраду при мысли,
 что вмѣсто ожидаемыхъ наслажденій и покоя,
 врагъ найдетъ въ Москвѣ угощеніе, доспойное
 Русскаго народа. Есть минушы въ жизни, кошо-
 рья ославляютъ по себѣ неизгладимыя впечат-
 лѣнія. Бывъ очевидцемъ споль необьяснаго
 событія и послѣдствій, кошорья изъ него
 Провидѣніе извлекло къ посрамленію враговъ
 нашихъ, я никогда не подѣзжаю къ Москвѣ
 безъ внутренняго содраганія ошъ мысли о бѣд-
 ствіяхъ, кошорыхъ я былъ очевидцемъ. Эшошъ
 городъ являешя мнѣ ошкрышою книгою, въ ко-
 шорой я читаю чудесную повѣсть спраданій и
 шоржества нашего Опечесшва. Въ ней вижу я
 чудесныя пушы, кошорыми Промысль Божій до-
 стигъ предназначенной имъ цѣли, и я шого
 мнѣнія, что, дабы вполнѣ обняшь всю силу эшо-
 го небеснаго нравоученія, надобно было пройди
 чрезъ всѣ спенени мученій и опрадь сердца,
 кошорья, при такихъ необыкновенныхъ пере-
 ходахъ счастья, шо испытывали, шо ободряли
 нашъ христіянскій и военный духъ.

Имѣя намѣреніе опсправиться къ своему пол-

ку, я освѣдомился объ его назначеніи и узналъ, что полковникъ Емануель раненъ подъ Бородинымъ и находишься въ оспеушенствіи. Между тѣмъ я предспавился нашему дивизіонному командиру графу Сиверсу, который предложилъ мнѣ оспашься при немъ въ должности адъютанта. Оиспутивъ верспъ шридцашъ по Коломенской дорогѣ, мы сворошили проселками на Подольскъ, гдѣ зарево пылающей Москвы продолжало освѣщашъ наше шесшвіе. Эшо было несомнѣнно безпримѣрное въ испоріи событіе видѣшъ всѣхъ энихъ грозныхъ и молчаливыхъ воиновъ, освѣщенныхъ на походѣ пожаромъ своей сполицы, для зацщпы кошорой имъ не дозволено было положишъ свой живощъ, и какъ будшо бы для шого чшобы имѣшъ возможность вполне насышиться такимъ горесшнымъ зрѣлищемъ, они ходили въ разспояніи какихъ нибудь шридцати верспъ вокругъ эшого раскаленного пепелища, кошорое пожирало шакое ужасное множесшво сосшояній. Пущъ шѣ, кошорые не были свидѣшелями шоль убійсшвенной для сердца Русскаго каршны, перенесущая мыслью къ эшому времени, и шогда они пошгнушъ, сколько пошребно было имѣшъ вѣры и швердосши, чшобы переносишъ съ бодрымъ духомъ испышанія шоль горькія и чувсшвительныя для сердца война и Русскаго. Но какъ всѣ шяжкія испышанія, наши спраданія

были крашковременныя , и съ избышкомъ вознаграждены.

Пятнадцатаго Сентября подъ селеніемъ Красно-Пахрою , мы имѣли кавалерійскую снѣчку съ непріятелемъ. Тушъ увидѣлъ я въ первый разъ извѣснаго Англичанина Сиръ Роберта Вильсона, которъй, пишая ненависть къ Наполеону, пріѣхалъ раздѣлять пруды компаніи; 17-го завязалось арріергардное дѣло при селѣ Чириковѣ. Въ шестъ же день мы прошли чрезъ Вороново, богатое помѣстье графа Распопчина, гдѣ эшотъ великій гражданинъ, вполне досшойный своей славы, предалъ огню свой собственнй домъ осуществляя въ маломъ видѣ мысль , кошорая превршила нашу древнюю столицу въ груду развалинъ.

Не доходя до Тарушина, 22-го Сентября, мы опять имѣли арріергардное дѣло , но можно было замѣнить что непріятель не предполагалъ найши здѣсь главныя наши силы , пошому что прекрашилъ преслѣдованіе. Къ шомуже занятіе Москвы, онъ котораго Наполеонъ ожидалъ конца войны, ослабило его обыкновенную дѣятельность, онъ былъ увѣренъ, что мы первые вспунимъ въ переговоры и почиалъ впороспешеннымъ дѣломъ распоряженія , нужныя для дальнѣйшаго хода компаніи. Такимъ образомъ , онъ насъ упустилъ изъ виду ; между шѣмъ Кушуровъ, пожалованный за Бородинское сраженіе

въ Фельдмаршала укрѣплялъ Тарушинское мѣсто-положеніе, и сосредоточивалъ на этомъ пунктѣ всѣ свои силы. Эта позиція была выгодна тѣмъ, что прикрывала наши южныя Губерніи и давала намъ возможность ударить непріятелю во флангъ или въ тылъ, куда бы онъ ни направилъ свои дальнѣйшія дѣйствія. Мы простояли здѣсь въ совершенномъ бездѣйствіи, отъ 22-го Сентября по 6-е Октября. Можно себѣ представить, что въ продолженіи длинныхъ осеннихъ вечеровъ, единственными разговорами въ нашихъ шоварицескихъ бесѣдахъ были Россія и послѣдствія будущихъ военныхъ дѣйствій. Каждый, какъ обыкновенно водится, рассуждалъ по своему, но уныніе, овладѣвшее всѣми послѣ сдачи Москвы, очевидно успунало мѣсто надеждъ, особливо когда мы удосповѣрились, что ни въ какомъ случаѣ миръ не будетъ заключенъ въ предѣлахъ нашего опечесства. Часъ, назначенный Провидѣніемъ для нашего шоржесства приближался, и съ 6-го Октября начинается для Французовъ рядъ непрерывныхъ неудачъ и пораженій, кошорыя чрезъ три года приковали гордаго завоевателя къ скаламъ острова Елены. О неисповѣдимыя судьбы Божіи! что всѣ наши земныя и человѣческія предположенія, когда они не одобрены свыше!

Я долженъ здѣсь сказать мимоходомъ, что при вступленіи въ Тарушинскій лагерь, кор-

пусной командиръ, графъ Осперманъ-Толстой, попребовалъ меня къ себѣ для исполненія при немъ должности адъютанта. Въ этомъ качествѣ я присуществовалъ при оспальныхъ событiяхъ 1812 года. Фельдмаршалъ Кушуровъ, получивъ досповѣрное извѣстiе, что Французская конница и многочисленный корпусъ, подъ предводительствомъ Мюрана сосредоточились у деревни Винковой, передъ нашею позиціею нѣскольکو вправо, рѣшился возобновить военныя дѣйствiя. Вечеромъ 5-го Октября мы выспунили изъ Тарушина, и сдѣлавъ ночной переходъ, на разсвѣтѣ очутились передъ Французами, копорыхъ наше появленiе привело въ замѣшательство; но была Тарушинская побѣда, украшенная многими трофеями. Вслѣдъ за этимъ сраженiемъ мы возвратились въ Тарушинскiй лагерь. Но возобновленiе военныхъ дѣйствiй съ нашей стороны вывело Наполеона изъ своего очарованiя; видя худой успѣхъ мирныхъ предложенiй, съ копорыми онъ присылалъ Лорисона къ Кушурову и ужасаясь послѣдствiй, могущихъ произойти отъ столь продолжительнаго бездѣйствiя въ такое позднее время года, онъ рѣшился употребить все усилiя и военную хитрость, чтобы пробраться въ наши южныя провинци. Его планъ былъ хорошо обдуманъ, но Провидѣнiю не угодно было, чтобы онъ ему удался. Узнавъ что городъ Малоярославецъ,

чрезъ которъй пролегаешъ новая Калужская дорога, занявъ слабо нашими войсками, онъ выбралъ эшошъ пупшъ, полагая предупредитъ насъ въ Калугѣ. Если бы ему удалось тогда пробраться, то вѣрояшно его Армія избѣгнула бы большую часть шѣхъ бѣдешвіи, которыя на нее грянули впоследствіи, и была бы спасена. Но многочисленныя наши партизаны, которыя рыскали во всѣхъ направленіяхъ и не упустили изъ виду непріятели, открыли его движеніе къ Малоярославцу. Фельдмаршалъ получивъ о шомъ извѣстіе 11-го числа, немедленно опредѣлилъ 6-й корпусъ Генерала Дохшурова, для защищенія эшого важнаго пункта, и вслѣдъ за симъ выступилъ со всею арміею шуда же. 12-го Октябрю осявило послѣднее покушеніе Наполеона, которымъ, если бы оно удалось, онъ могъ еще спасти свою армію, заведенную въ шакой опдаленный край, въ самое неблагопріятное время года. Корпусъ Дохшурова выдержалъ съ большимъ мужествомъ весь напискъ гораздо превосходнѣйшаго непріятели, и городъ Малоярославецъ въ продолженіи эшой упорной битвы переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Между шѣмъ вся армія наша успѣла выступить къ вечеру позади города. Ночь прекратила кровавое сраженіе. На другой день 13-го Октябрю мы заняли выгодную позицію въ увѣренности, что непріятели возобновишь свою атаку.

Удивленіе наше было чрезвычайно , когда мы узнали, что Наполеонъ рѣшился опшсупить и направилъ свой пушь на Смоленскую дорогу , сполько разъ опуспошенную. Наконецъ часъ освобожденія наспалъ : сердца наши исполнились радоспи и надеждъ. « Великъ Русскій Богъ , » восклицали мы въ воспоргѣ ; всякой , кто носилъ военный мундиръ и любилъ свою родину, пойметъ наши спраданія при видѣ бѣдспвій поспигшихъ Россію : но въ эпоу минуспу, когда надежда побѣды и освобожденія преврапились въ увѣренносшь, мы все ожили сердцемъ. По вспуленіи въ Малоярославецъ , 44-го Окспября, желая воздать Богу благодарное молебспвіе въ спяшомъ храмѣ его , за явное его покровишельсшво, я поспѣшилъ къ спамощнему Собору. Но какъ выразишь чувспва крайняго негодования, когда пригосновилъ умъ мой и сердце къ молишвѣ спѣша въ церковь съ мыслию о благоспи Всевышняго, и въ забвеніи всего мірскаго, я прочишалъ на дверяхъ храма надпись : *Ecuries du Général Guilleminot. Конюшня Генерала Гиллемино.* Я взглянулъ въ Церковь , и увидѣлъ что гнусная надпись не обманывала ; я долго не могъ опомнишься опъ волненія, произведеннаго во мнѣ эспимъ поруганіемъ спяшпни. Въ шо время я вполне испыпалъ жажду мщенія. Впрочемъ эпо гореспное зрѣлище возобновлялось пошомъ при каждой церкви , мимо ко-

шорой проходилъ непріятель, но за шо и ка-
кая ужасная кара гошовилась поругашелямъ !

Для предупрежденія непріятеля на большой Смоленской дорогѣ, намъ предписано было идши на Вязьму, чрезъ Г: Медынь. Удивительно, что Наполеонъ не избралъ этой дороги, крашчайшей и не разоренной. Октября 22-го мы явились въ нѣсколькихъ версахъ ошъ Вязьмы. Корпусъ Милорадовича сильно шѣсниль Французскаго Маршала Даву; мы ударили ему во флангъ и довершили его поражение. Вечеромъ, мы заняли Вязьму, объашую пламенемъ. Непритель набросалъ гранашъ въ дома; ихъ шрескъ былъ слышенъ во всѣхъ часняхъ города, въ продолженіи цѣлой ночи. Здѣсь представляешся одно замѣчашельное обстоятельство, кошорое ясно показываешъ, что персшъ Божій назначиль Французскую армію къ испребленію. Сраженіе подъ Вязьмою происходило 22 Октября, въ прекрасную теплую погоду при яркомъ солнцѣ. Мы даже досадовали, что шакое благопріятное время дозволишь Наполеону уйдши ошъ Русскихъ морозовъ. Но въ ночи того же самаго числа вдругъ показываешся снѣгъ, подымаешся сильная мяшель, и морозъ въ 18-шь градусовъ внезапно, какъ будшо волшебнымъ образомъ, появившійся, усшановляешъ жестокую зиму, кошорая, къ несчастію Французской арміи, послѣ шого не прекращалась. Найдущя ли послѣ шо-

го еще слѣпые, копорые скажутъ, что это было дѣйствіе одного только *слугая*, или русскаго климата? Нѣтъ: скажемъ лучше: Богъ шерпишь, и долго шерпишь нечесивыхъ, но когда беззаконія ихъ превзошли всякую мѣру, онъ дунешъ и они исчезли съ лица земли. Это испребишельное дуновение было необыкновенная буря этой ужасной ночи. Русскій солдатъ, копорый сохраняешъ свою вѣру во всей чистотѣ, понялъ это небесное правоученіе, и надобно часшію приписать силѣ шакого убѣжденія то, что наша армія шакъ мало поспрадала опъ морозовъ въ сравненіи съ шѣми бѣдствіями, копорыя постигли непріятеля. 23-го числа мы продолжали преслѣдованіе, и безпрешанно встрѣчали ужаснѣйшія картины разрушенія. На каждомъ шагу намъ попадались несчастные ошолбенѣвшіе опъ холода; они сначала шашались какъ пьяные, пошому что морозъ добирался до мозга, и пошомъ падали мершвые; другіе сидѣли около огня, въ спрашномъ оцѣпенѣніи не замѣчая, что ихъ ноги, копорыя они хошѣли опогрѣшь; преврашались въ уголь. Многіе бросались съ жадноспію на сырую падалину. Я видѣлъ, о ужасъ! какъ нѣкопорые изъ нихъ дошацившись до мершваго шѣла шерзали его зубами, и шарались ушопишь эту опврашительную пищу голодь, копорый ихъ мучиль. Если что нибудь могло бы

развлечь оныя споль горесныхъ зрѣлицъ, по былъ видѣ всѣхъ разнообразныхъ одеждъ, набранныхъ изъ возимой съ собою Московской добычи, кошорыя безъ различія половъ кошорымъ оны принадлежали, были накинута по на головы, по на плечи и предспавляли каршину, кошорая во всякомъ другомъ случаѣ могла бы развеселишь. Но ша мысль, что подѣ всѣми эшими неспрыми и шушовскими нарядами, мучились несчастные, кошорые боролись съ иерзаніями голода и холода, и осуждены были на неминуемую погибель, придавала этому ошврашительному маскараду, плачевный и спрашный видѣ, располагающій болѣе къ соспраданію, и къ размысленіямъ о превращеніи земнаго счастья. Мы не могли подашь никакой помощи эшимъ спрадальцамъ, пошому что сами имѣли нужду въ необходимыхъ пошребностяхъ жизни, идучи по дорогѣ, опушошаемой каждый день сначала компаніи. Я самъ цѣлую недѣлю довольспивовался просными сухарями и хлѣбною водкою, кошорая нечаянно случилась у маркишана: мой Генераль никогда не держаль у себя спшала во время похода. Ночь 26-го Окшября была для меня самая ужасная. Мы цѣлый день дрались подѣ Дорогобужемъ, вышѣнили неспряшеля изъ занянаго имъ укрѣпленія и ошбили многихъ нашихъ плѣнныхъ, въ пошъ числѣ конной гвардіи Полковника Саковнина и Поручика

Князя Пешра Голицына, а ночь я провелъ на бивакахъ, въ снѣгу, въ прескучій морозъ, при сильномъ вѣтрѣ, безъ соломы, безъ дровъ и безъ пищи. У меня небыло даже шеплой одежды, поному что находясь всегда въ дѣйсвіи и въ передовыхъ войскахъ, я не имѣлъ даже возможности запаснись вещами, нужными для зимы внезапно появившейся. Труды этой компаніи имѣли вліяніе на мое здоровье и оснавили въ немъ слѣды, копорые не исчезли до сихъ поръ. Но кто могъ жалованься на свои спраданія при видѣ спраданій Французской арміи! По причинѣ недоспашка въ съспныхъ припасахъ насъ смѣнили свѣжія войска, а мы, не доходя до Смоленска поворошили въ Кобызево проселочною дорогою, по копорой продолжали пунъ безъ важныхъ происшесвіи. Однако въ это время, мнѣ случалось дѣлать шакія уномишельныя поѣздки, по приказанію моего Генерала, что однажды я проскакалъ около восьмидесяти верспъ верхомъ на одной и той же лошади и наконецъ, заѣхалъ въ глубокой снѣгъ, откуда не могъ ее уже выпацишь; я былъ одинъ, въ необразимой снѣжной пустыни. Къ счастью моему, отсавшій фургонъ, изъ главной кварширы, заблудившись, проѣзжая этимъ мѣстомъ, вывелъ меня изъ ужаснаго положенія, въ копоромъ оспавалось только замерзнуть.

Нашему корпусу не предснояло болѣе участвовашь въ преслѣдованіи непріятеля. Фельд-маршалъ желая дасть арміи время успокоиться, послѣ такихъ великихъ трудовъ, предоснавилъ Генералу Чичагову и Графу Вингенштейну довершишь пораженіе непріятеля при переходѣ чрезъ Березину. Но это не входило въ соснавь моего повѣствованія, поному что я шунъ не содѣйствоваль. Проводивъ армію до Минской Губерніи и удосновѣрившись что намъ уже не будешь случая пріобрѣсти славы я, желая запаснись силами на предсноящую кампанію въ 1813 году, опшросился въ опшускъ въ Москву, куда всшунилъ опецъ мой съ ополченіемъ Владимірской Губерніи, которымъ онъ командоваль. Между шѣмъ городъ Смоленскъ былъ заняшъ нашими войсками, но Французы предъ опшупленіемъ своимъ хошѣли опнавить по себѣ памяшъ, достойную такихъ посѣнишелей и взорвали укрѣпленія, окружающія городъ, что шакже было ими въ Москвѣ учинено съ Кремлемъ. Икона Смоленской Божіей Машери водворена опашъ въ свою обншель ровно шри мѣсяца послѣ увезенія ея изъ Смоленска. Главнo-командующій Кушусовъ извѣщая армію о заняніи этого города нашими войсками, и о возвращеніи свяной Иконы въ свое мѣсно на поминаль слова Евангелія Луки (зач. 4.) кошноря чншаюнся на всѣхъ службахъ Богома-

пери. « Пребыснь же Маріамъ съ нею яко при мѣсяца и возвратися въ домъ свой. » Дѣйснвительно было досшойно примѣчанія чшо святая Икона сопровождала нашу армію, ровно при мѣсяца, съ нею осшавила Смоленскъ и съ нею шуда вешупила. Эшо обешояшельсшво, еще болѣ убѣдило вѣрный Русскій народъ въ шомъ чшо наше правое дѣло находипся подъ особымъ покровишельсшвомъ Неба.

Я ошправился въ Москву по той же усѣянной шрупами дорогѣ: чрезъ Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязьму, Гжашскъ, и Можайскъ, опусшщенные пожарами и грабишельсшвомъ. Каждый шагъ по эшой огромной могилѣ, возобновлялъ во мнѣ воспоминанія, еще свѣжія и живыя. Вездѣ вспрѣчалъ я шысячи подводъ, нагруженныхъ мершвыми шѣлами къ сожженію. Не могъ я удержашься ошъ слезъ при видѣ шполь горестнаго зрѣлища. О, думалъ я, еслибъ гордый завоеватель, кошорый погубилъ шполь ужасное множество жерпвъ, изъ своихъ власшлюбивыхъ видовъ, могъ бы сосчипашь всѣ капли слезъ, кошорыя прольющся, когда вѣснь о злополучной кончинѣ эшихъ несчастныхъ дойдешъ до друзей и родешвенниковъ ихъ, о! какое шерзаніе гошовишь его сердцу шакое множесшво проклинаній, кошорыя на него падушъ, и кошорыхъ ошъ не можешъ даже заглушишь славою блистательной удачи.

Я прїѣхалъ въ Москву 4-го Декабря: но Москва ли это была? Деревянные дома, кошорыхъ было прежде шакъ много, большею часпю исчезли! на мѣстѣ ихъ шорчали большія голыя шрубы, какъ огромные призраки. Каменные дома превращены въ безобразныя закопшѣлыя снѣжны; Кремль взорванъ; церкви сожжены, или разграбленны и осквернены. Въ шакомъ видѣ предшала глазамъ моимъ Москва *Бѣло-Каменная* въ Декабрѣ 1812 года. Но мы должны благословляшь Провидѣнїе; оно успроило все къ лучшему,—изъ развалинъ Москвы, Россія возникла могущеспвеннѣе всѣхъ державъ Европейскихъ. Господь Богъ благословилъ кропоснѣе своего помазанника Императора Александра, кошорый не величаясь успѣхомъ, прїобрѣшеннымъ его швердоснѣе и Русскимъ оружіемъ, воздалъ всю славу Небесному Провидѣнїю. Эша мысль руководила Императора Александра, когда онъ избралъ для медали выбишой въ память Кампанїи 1812 года надпись, кошорая была лозунгомъ всей опечешвенной войны:

Не намъ, не намъ, а имени Твоему.

Конецъ 1812 года и первой части.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

1813 годъ.

Съ нами Богъ, разумѣйте языцы,
яко съ нами Богъ.

Кшо изъ военныхъ не испыналъ того блаженства кошорымъ наслаждаешся, когда, послѣ большихъ прудовъ, вдругъ очутишся подъ родишельскимъ кровомъ, окруженнымъ всѣми покойствами и прихотями жизни, и вмѣсто бивачнаго начлега въ снѣгу, спокоишся на мягкой постелѣ? Никогда я не испыналъ этого чувства въ такой степени какъ когда пріѣхалъ въ Москву и всунулъ въ родишельскій домъ. Около двухъ мѣсяцовъ помился я голодомъ, ночи проводилъ на чистомъ воздухѣ въ прескуіе морозы, и могу сказать прешерпѣлъ всѣ возможныя лишенія и недоспашки. Пушешествіе мое изъ Минска въ Москву было не мѣше шягосшно самага похода. Я ѣхалъ по разоренному краю, гдѣ встрѣчалъ безпрещанно осшановку въ лошадахъ; шеплой кваршеры и

нищи добышь было трудно шамъ гдѣ жишелей почши не было; зима сдѣлалась суровая, одежда у меня была самая легкая, да и за деньги не гдѣ было бы купишь проспаго шулуца. Такимъ образомъ я цѣлмя при недѣли шащился до Москвы, на почшовыхъ. Но за шо уже какое раздолье въ опцовскихъ хоромахъ. Опогрѣлся, выкормился, упокоился, забылъ минувшія спрадана и гошовъ уже оянь ииши борощься съ сшихіями и опасноснями всякаго рода. О военная жизнь! сколько ши сладка... воспоминаніями.

Кампанія 1813 года не могла опкрышья прежде весны; слѣдовашельно у меня было довольно времени: но какъ я рѣшился ѣхашь на почшовыхъ лошадахъ шолько до границы, а опшуда продолжашь пушь на своихъ, шо я оставилъ Москву около половины Февраля съ намѣреніемъ явишья прямо въ свой полкъ. Для этого я поѣхалъ на Бѣлоспокъ, Варшаву и Дрезденъ. Перемены, совершенныя успѣхами нашего оружія казались мнѣ сновидѣніемъ. Въ шестъ мѣсяцевъ, мы перешли изъ запруднишельнаго положенія, кошорому никшо не могъ предвидѣшь шакой скорой и блисшашельной развязки, въ самое сердце Германіи. Съ какимъ уваженіемъ, и даже восшоргомъ, принимали шогда Русскихъ офицеровъ жишели эшой Германіи, кошорые послѣ долгаго угнешенія подѣ

игомъ Наполеона видѣли въ насъ будущихъ избавителей и людей, показавшихъ первый примѣръ сопротивленія *непобѣдимому*. Впрочемъ должно ошдаться справедливости побѣдителямъ: они были достойны такого лесснаго приѣма, въ нихъ вовсе небыло того хвасновства, которое даже извинительно послѣ подобныхъ поржесствъ; Русскій офицеръ и солдатъ умѣющъ воздавать Богу, что принадлежитъ Богу, и Кесарю то, что принадлежитъ Кесарю.

Узнавъ въ Дрезденѣ, что Кіевскій драгунскій полкъ, въ которомъ я служилъ, спосишь въ Цвикау, Саксонскомъ городѣ, лежащемъ за 14 миль, я прямо туда ошправился и явился къ моему начальнику Генераль-маіору Емануелю, который принялъ меня чрезвычайно ласково, и предложилъ ошпаться при немъ. Я не могъ пожелать ничего лучшаго, и починалъ счастиемъ учиться военному дѣлу подъ руководствомъ такого опытнаго наставника. Я оспѣлъ къ самому началу военныхъ дѣйствій; черезъ нѣсколько дней произошла Люценская битва, которая не имѣла для нашего ошряда другихъ послѣдствій, кромѣ ошсупленія къ Дрездену - куда шла вся Прусско-Россійская армія.

Для яснѣйшаго уразумѣнія событій, необходимо бросить взглядъ назадъ. Наполеонъ, избѣгнувъ учасши, которая ожидала его при переправѣ черезъ Березину, и вида, что его

присущствіе болѣе не нужно для погибающей арміи, оставилъ ее на произволь бѣдшвенной судьбы и поспѣшилъ въ Парижъ, чшобы упопрѣбишь все средства для образованія войска и опразилъ наши покушенія , неизбѣжныя послѣ пѣхъ огромныхъ успѣховъ , кошорые мы получили. Его дѣяшельность и свисходительность Сенапа, кошорый по его волѣ издавалъ законы о наборѣ нужнаго числа конскриптовъ, создали въ непродолжительное время новую армію, впрочеиъ бѣдную конницей. Кавалерія его болшею частію погибла въ Россіи; — извѣсно , чшо шруднѣе образовашъ кавалерію чѣмъ пѣхошу и легче замѣнить людей, чѣмъ лошадей. Зима съ 1812 на 1813 годъ была упопрѣблена на образование и сосредоточеніе новой арміи; въ Апрельѣ , она уже была готова къ вышпунленію въ походъ, подѣ личнымъ предводительствомъ своего Императора. Въ это время , Пруссія присоединилась къ Россіи для общихъ усилий въ войнѣ прошивъ честолюбія одного человека. Начало кампаніи ознаменованное сраженіемъ при Люценѣ, послѣ кошораго послѣдовало опшшупленіе союзныхъ войскъ къ Дрездену , должно было сообщить болѣе увѣренности къ самимъ себѣ Французскимъ конскриптамъ и возвысить надежды Наполеона : онъ снова видѣлъ себя побѣдителемъ и начальникомъ арміи , созданной какъ бы волшебствомъ.

Вмѣстѣ съ приказаніемъ ретировались на Дрезденъ, Генералу Емануелю дано было порученіе прикрывать съ своимъ опрядомъ переправу войскъ, копорья должны были переходить черезъ Эльбу по лодочному мосту, со-спавленному нарочно для этой цѣли нѣсколько выше города. По эту сторону Дрездена, внизъ по теченію, былъ устроенъ такой же мостъ. Непріатель направилъ всѣ свои усилія на этотъ послѣдній пунктъ для овладѣнія переправой. Наша позиція съ лѣвой стороны была очень крѣпка и отъ того Французы не слишкомъ на нее нападали, но здѣсь случилось одно замѣчательное происшествіе, копорое представляешь такое странное соединеніе счастья съ несчастіемъ, что я не могу усноять прошивъ желанія передать его читателямъ. Я думаю, что въ лѣтописяхъ войны нельзя встрѣнить другаго столь же необыкновеннаго событія.

Когда войска перешли черезъ мостъ, копорого защита была намъ ввѣрена, на этой стороне рѣки оставался еще батальонъ Шлиссельбургскаго полка въ редутѣ, служившемъ къ прикрытію переправы. Въ это самое время какъ я отвезъ ему приказъ, оставивъ укрѣпленіе, начальникъ позиціонной роты, копорый по должности своей, обязанъ былъ разрушить переправу, по прекращеніи въ ней надобности, обратился къ генералу Емануелю, и спросилъ,

не прикажешь ли онъ подрубить канавы и зажечь мостъ. Башаліонъ Шлюссельбургскаго полка въ это мгновеніе началъ шолько по немъ переходить чрезъ Эльбу. Генераль замѣшилъ ему, что на мосту находишься еще цѣлый башаліонъ пѣхоты, но поншонный шпабъ-офицеръ, ошвѣчалъ, что башаліонъ успеешь перейти пока будешь зажигать и подалъ знакъ своимъ людямъ, чтобы они приснунили къ дѣлу. Пусь себя представляшь зрѣлище, кошорое вдругъ явилось нашимъ взорамъ. Я не въ состояніи выразишь нашего ужаса. Какъ скоро по зажженіи, канавы были подрублены, сила шеченія Эльбы привела плашкоты въ безпорядокъ, доски переломались и разошлись сами собою; огонь миготъ охватилъ горячія вещества, расположенныя вдоль по мосту, и башаліонъ Шлюссельбургскаго полка былъ окруженъ пламенемъ. Положеніе несчастныхъ воиновъ, осужденныхъ на неминуемую погибель ошъ огня или воды, было шѣмъ ужаснѣе, что никакъ не лзя было подать имъ помощи. Спасеніе казалось невозможнымъ, и намъ зринелямъ, предшояло шомрѣшь, сложа руки, на погибель эшихъ несчастныхъ воиновъ, кошорымъ оснавалось шолько избраться родъ смерши, и предпочшишельно ушопишься, дабы избавишься адскаго мученія огня. Но чего не можешь совершишь Богъ шамъ, гдѣ силы человѣка ничшожны! — Въ этой роковой

крайности, одинъ солдатъ, болѣе другихъ предприимчивый, бросается съ моста въ воду, не оставя ни ружья ни ранца. Вопль, бездна шакъ и поглощеніе несчастнаго, думали мы. Но нѣтъ: къ всеобщему нашему изумленію вода дошла ему только до плечъ. Неужели на этомъ самомъ мѣстѣ Эльбы, столь быстрой и глубокой, есть бродъ? Видъ солдата, который шелъ въ водѣ и безпрестанно приближался къ берегу, перемѣнилъ вопли ужаса въ радостныя восклицанія. Въ одно мгновеніе цѣлый батальонъ бросился въ рѣку, и мы имѣли счастье бытъ свидѣтелями его спасенія; не только люди, но и самая амуниція уцѣлѣла вся безъ исключенія. Такая неожиданная развязка заставила насъ забыть о неоспорности, которая едва не причинила величайшее бѣдствіе, и мы предались радости, возбужденной чудеснымъ спасеніемъ пяти столь храбрыхъ подвижниковъ нашихъ. Князь Владимиръ Сергѣевичъ Голицынъ, который не знаю по какому случаю попался въ эту суматоху, вынесъ на своихъ плечахъ заслуженнаго командира Шлюссельбургскаго полка, полковника съ сѣдинами, и украшеннаго орденами св. Георгія 4-й степени, и св. Владимира 3-й; начальникъ же погонной роты, который шакъ неоспорно распорядился въ преждевременномъ истребленіи моста, едва не сдѣлался жертвою своей поспѣшности, споя на краю моста и

облокашившись на перилы, онъ покашлялся головою внизъ на дно Эльбы какъ шолько подрубили канашы, и его съ шрудомъ привели въ память. — Чѣмъ болѣе я размышляю объ обешояшельствахъ этого происшествія, тѣмъ болѣе желаю угодить его шому чуду, силою котораго волны Чермнаго моря разверзлись нѣкогда для избраннаго народа. Даже окресные жишели не знали, что въ этомъ мѣснѣ есть бродъ; пионеры, которые наводили мостъ никакъ не подозрѣвали его существованія: имъ однакожь не лзя было не замѣнить его, еслибъ онъ прежде находился здѣсь, подѣ ихъ ногами. Для чего было наводишь мостъ тамъ, гдѣ въ немъ непредсшяло ни какой надобности, гдѣ можно переходишь въ бродъ, и гдѣ само разрушеніе переправы не остановило бы непріятеля, преслѣдующаго насъ въ случаѣ опсшуленія? сверхъ того, это было весной, когда снѣга, шающіе на горахъ Саксонской Швейцаріи и Богеміи, подымающъ воду во всѣхъ рѣкахъ, и особенно въ Эльбѣ. Но въ военное время, когда отъ переправы зависишь участь цѣлой арміи, могутъ ли броды—на такой рѣкѣ какъ Эльба—не бышь извѣстными? Какимъ же образомъ существованіе этого брода было неизвѣстно самимъ жишелямъ? Пусть полкуютъ чудесное спасеніе нашихъ шоварищей, какъ хотиашъ, все таки, по крайпей мѣрѣ для меня въ этомъ

происшествіи шайтся что-шо сверхъестественное, чего я не могу объяснить безъ предположенія особенной милосши Божіей. И кто знаешъ? можешъ бышь милосердый Богъ соспрадая объ эшихъ воинахъ, споль храбро сражавшихся за вѣру, Царя и опечесства, погибающихъ ошъ неосторожности одного чловѣка, не захошѣлъ допустить ихъ гибели и создалъ эшошъ бродъ на эшу пору единспвенно для спасенія ихъ. Все возможно Богу. И кто знаешъ не воспарила-ли шогда изъ сердца одного изъ эшихъ погибающихъ воиновъ крашкая, но шеплая и исполненная упованія молишва, словомъ сказашъ, шакая молишва, которая прямо лешитъ къ прешолу Божьему, и была причиною шого чуда, кошорое должно было ихъ всѣхъ спасти. Пусть обвиняющъ меня въ суевѣрїи, но эшо происшествіе ошанешся, по моему мнѣнію, непосишимымъ, если мы не допустимъ здѣсь сверхъестественное. Я сожалью, что мнѣ не удалось узнать впослѣдствїи, существуетъ-ли эшошъ бродъ по-сю-пору, или исчезъ послѣ нашего перехода, какъ явился неожиданно для сохраненія горши храбрыхъ защитниковъ праваго дѣла и одушевленія оспальныхъ упованїемъ на помощь Неба.

Послѣ эшого собышїа, кошорое глубоко насъ поразило, мы продолжали опшупать къ Бишофсвердену; дорогою Генераль Емануель замѣ-

шилъ мнѣ, что въ военномъ дѣлѣ нельзя имѣть слишкомъ много опытности, и что излишнее довѣріе къ другимъ можетъ быть источникомъ событій, самыхъ непредвидимыхъ и самыхъ гибельныхъ по своимъ слѣдствіямъ. На другой день, генералъ нашъ получилъ приказаніе образовать лешучій опрядъ и идти съ нимъ къ горной цѣпи, замыкающей равнину, которая просширается отъ Дрездена до Силезіи. Съ высоты этихъ горъ мы должны были наблюдать за движеніями непріятеля, и каждый день доносить Главнокомандующему. Назначеніе было очень важно, потому что оно спавило нашъ опрядъ съ боку Французской арміи, и давало намъ возможность дѣйствовать ей въ тылъ и слѣдовать за малѣйшими ея движеніями. Недоспашокъ кавалеріи не позволялъ непріятелю всегда рекогносцировать свой правый флангъ, и потому онъ не скоро открылъ новыхъ аргусовъ, которыя были отъ него такъ близко. Мы продолжали наблюденія до самой Бауценской битвы; но присутствіе наше въ горахъ не могло на всегда оставаться неизвѣстнымъ, и Французы послали сильный опрядъ, чтобы насъ вышести изъ горъ. Но это имъ не удалось. Мы имѣли съ нимъ жаркія схватки 29 Апрѣля при Вейсигъ, 30-го при Шолленъ, 6 и 7 Мая подъ Нейкирхеномъ. Несмотря на эти встрѣчи, цѣль наша была достигнута. Мы собирали дословѣрные свѣдѣнія

о движеніяхъ непріятельской арміи и доставляли ихъ въ главную кварширу. 8-го и 9-го Мая произошло генеральное сраженіе на поляхъ Бауценскихъ, и нашему опряду удалось сдѣлать счастливую диверсію противъ праваго непріятельскаго фланга, кою сдѣйствовало къ уничтоженію его усилій съ этой стороны. Здѣсь я могъ удостовѣриться что генераль Емануель рожденъ для военнаго ремесла. 8-го Мая наблюдая съ высоты горъ за движеніями непріятеля, нашъ генераль сдѣлался внезапно боленъ. Сильное расстройство желудка сопровождаемое рвотою, заставляло насъ беспокоиться не только о здоровьи нашего начальника, но и участи нашего опряда, коимъ никко не былъ бы въ состояніи распорядиться, если бы недугъ имъ овладѣлъ.—Мы находились на вершинѣ горъ, когда генералу здѣлалось дурно. Въ то самое время, сильный опрядъ непріятельской былъ направленъ противъ насъ, и уже было видно какъ онъ подымается на гору и приближается къ намъ. Я приспально смотрѣлъ на своего генерала, и готовился доложить ему объ угрожающей намъ опасности, но онъ не смотря на свою болѣзнь не смыкалъ глазъ и наблюдалъ за движеніемъ непріятеля. Вдругъ засвистали пули мимо ушей нашихъ; уже непріятель опдаленъ отъ насъ только на pistolешный выстрѣлъ, какъ вдругъ

генераль Емануель какъ будно оживленный свисшомъ пуль , вшаешъ съ бодрѣмъ видомъ , садншея на лошадь , подѣзжаешъ къ своему опяду , дѣлаешъ нужныя распоряженія , и апакуешъ непріяшеля кошораго обращаешъ въ бѣгство. Съ шого времени и рвоша прекранилась и болѣзнь прошла. Не всемъ удаешся такими средствами вылѣчивашся.

Во время нахождения моего въ лешучемъ опядѣ , я неоднократно имѣлъ случай удивляшся вѣрности взгляда и воинской смѣливости нашего генерала. Съ возвышеній , кошоря мы занимали , можно было обозрѣшь всю обширную долину , покрышую Французскими войсками. Ни одно ихъ движеніе не избѣгало опъ нашего начальника : онъ не выпускалъ изъ рукъ зрительной трубы и ни разу не ошибся въ предположеніяхъ своихъ , опносительно цѣли переходовъ. Гонцы опправлялись по нѣскольку разъ въ день въ главную кварширу , съ подробными довесеніями о шомъ , чшо происходило у непріяшеля. Генераль Доврè , въ шо время начальникъ штаба арміи , говорилъ мнѣ впоследствии , чшо свѣдѣнія , доставленные нами , принесли великую пользу. Такимъ образомъ мы шли съ боку Наполеоновой арміи до Силезіи , и имѣли еще нѣсколько встрѣчъ съ непріяшелемъ , какъ шо : подъ Рейхенбахомъ , гдѣ убишъ другъ Наполеона Дюрокъ , и при Спригау въ Силезіи.

Провидѣнію, безъ сомнѣнія, угодно было ослѣпить Наполеона на счетъ опасности его положенія: оно дозволило ему пожать новыя лавры и бивва при Бауценѣ заславива нѣсколько времени думать, что звѣзда его, зашминаяся въ кампаніи 1812 года, взойдетъ съ новымъ блескомъ въ 1813. Мы продолжали наше опешупленіе на Силезію, и шупъ узнали, что переговоры идушъ о заключеніи перемирія. Оффиціальное о томъ извѣстіе пришло къ намъ между Спиргау и Яуеромъ. Опряду Генерала Емануеля поручено было охранять передовыя линіи, шакъ, что мы не воспользовались даже шѣми удобшвами, кошорыя имѣла цѣлая армія, расположенная на хорошихъ кварширахъ. Намъ пришлось спояшь на биввакахъ, на пограничной чершѣ въ продолженіе всего перемирія. Мы находились въ странѣ, богатой превосходными мѣстоположеніями, и при томъ въ самое лучшее время года. Съ согласія моего генерала я сдѣлалъ небольшое пушешесвіе къ Исполинскимъ горамъ, Riesen-Gebierge, кошорыхъ шишина и романшическіе виды внушали задумчивость и поражали меня разишельной прошивоположностью съ бурнымъ образомъ нашей военной жизни. Я посѣшилъ Гиршбергъ, Грейффенбергъ, Швейдницъ, Глаць, Рейхенбахъ, и проѣхалъ даже до Ландеккскихъ минеральныхъ водъ, гдѣ въ то время были Ихъ Величештва Импе-

рапорть Александръ и Король Прусскій. Множество офицеровъ всѣхъ чиновъ приумножили блистательное общество, собравшееся на водахъ. Мы сходились всякій вечеръ въ панцовальной залѣ. На одномъ изъ эшихъ вечеровъ я имѣлъ счастье въ первый разъ видѣть юную принцессу, дочь Его Величества Короля Прусскаго, нынѣшнюю Императрицу Всероссійскую. Она ослѣпляла своей красою. Императоръ Александръ сдѣлалъ съ ней нѣсколько круговъ вальса. Тайное предчувствіе говорило намъ, что родственныи союзъ царствующихъ домовъ Россіи и Пруссіи скрѣпится связи, соединяющія въ то время двѣ великія державы. Я имѣлъ счастье обратити на себя вниманіе Его Величества Короля Прусскаго, который нѣсколько разъ удостоивалъ меня своего разговора и спрашивалъ объ участіи, какое я принималъ въ кампаніи, 1812 года, и въ новой кампаніи, прерванной перемиріемъ.

Эта прогулка по веселой и прекрасной Силезіи будетъ всегда въ числѣ моихъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Но труба войны уже призывала насъ къ новымъ битвамъ, и я поспѣшилъ къ своему храброму и достойному начальнику. Между тѣмъ, послѣ прекращенія переговоровъ въ Прагѣ, Австрія положила на вѣсы свое могущественное содѣйствіе. Такимъ образомъ,

всѣ народы , желавшіе свергнуть съ себя иго Наполеона, соединились съ Русскими.

Когда срокъ перемирія кончился, мы перешли черезъ демаркаціонную линію и первая наша встрѣча съ непріятелемъ была при Цобшенѣ на Бобрѣ 7-го Августа. Сраженія нашего Авангарда съ корпусомъ Макдональда принадлежишь къ числу самыхъ упорныхъ и жаркихъ дѣлъ, въ копорыхъ мнѣ случилось находинься. Мы опбили весь обозъ Французскаго Маршала. Я забль упомянушь, что со времени возобновленія военныхъ дѣйсвіей , нашъ опрядъ сославлялъ часпъ авангарда корпуса графа Ланжерона , копораго войска принадлежали къ Силезской арміи, бывшей подъ командою Блюхера. Послѣ Цобшенскаго дѣла , мы приблизились къ главнымъ силамъ союзной арміи , копорья ославались въ значительномъ разстояніи назадъ; для эпои цѣли , мы опспунили къ Голдбергу , гдѣ имѣли 11-го Августа жаркую схватку съ непріятелемъ , копорый и здѣсь , какъ при Цобшенѣ, превосходилъ насъ числомъ. Но день генеральной битвы былъ близокъ , и мы снова опрешировались къ Кацбаху , рѣчкѣ, копораи сходитъ съ горъ, и омываетъ долину того-же имени. Съ самаго возобновленія войны, погода дѣбалась часъ-опъ-часу хуже; дождь лилъ не преславая, мы всѣ были промолены до костей, но сушишь было нѣкогда. Опъ 7 до 14 Авгу-

сна всё усилія непріятеля были исключительно направлены противъ нашего арріергарда, состоявшаго изъ двухъ полковъ егерей, трехъ полковъ кавалеріи и 12 орудій. Эти войска, въ особенности пѣхота, были чрезвычайно упомянуты не столько переходами, сколько опъ дурной погоды, при кошорой они непрерывно должны были опражашь превосходныя силы непріятеля. Въ шакомъ состояніи находились они 14 Августа. На разсвѣтѣ этого дня, не смотря на дождь, кошорый шелъ сильнѣе обыкновеннаго, мы завязали съ непріятелемъ дѣло, превращившееся къ вечеру въ общее сраженіе. Опступая по немногу, мы довели Французовъ до самыхъ линій Силезской арміи, состоявшей изъ корпусовъ, Йорка, Ланжерона, и Сакена, и расположенной на Кацбахской равнинѣ. Нашъ опрядъ занималъ крайнюю оконечность лѣваго крыла, кошорая прислонена была къ горѣ, покрытой лѣсомъ. Перемокшія ружья опказывались служить союзникамъ; вся часть принадлежала аршиллеріи, конницѣ и холодному оружію. Кавалерія генерала Васильчикова разбивала цѣмля карре на правомъ крылѣ и опняла у непріятеля около сна орудій. Но положеніе лѣваго спановилось часть-опъ-часу затруднительнѣе, я уже сказалъ, что защита этого важнаго пункта была ввѣрена войскамъ арріергарда, измученнымъ усалосшью и бипшвами, кошорыя

они выдержали въ шеченіе недѣли. Къ вечеру, Французы повели съ эшой стороны атаку съ такою спремишельносшью , что наша пѣхоша пришла въ замѣшашельство и подалась назадъ. Все зависѣло ошъ одного рѣшишельнаго мгновенія; непріашель, овладѣвъ холмами , кошорые съ лѣвой стороны , господсировали надъ всею нашею позиціею , могъ поспавить на нихъ башарей , спрѣляшь вдоль по линіи , и принудить ее къ ошсшупленію , не смошря на всѣ успѣхи праваго крыла. Надобно было удержашъ эши холмы за нами , чего бы по ни сполло. Не имѣя ни подкрѣпленій , ни резервовъ , генераль Емануель замѣнилъ ихъ своимъ мужесшвомъ и рѣшишельносшью. Онъ приказаль 2-му Украинскому казачьему полку , подъ начальсшвомъ Князя Щербашова , заняшь лѣсъ позади нашей пѣхошы и рубить всякаго пѣхошнца , кошорый покусится пробирашьсквозь эшу цѣпь. Въ то же время , съ своими офицерами , бросаешся онъ долой съ коня , собираешъ ушомленныхъ спрѣлковъ , ободряешъ своимъ примѣромъ; войско , при крикахъ ура! спремишельно атакуешъ непріашеля въ шныки , и принуждаешъ его къ ошсшупленію. Надобно было видѣшь эшощъ прекрасный подвигъ для того , чтообы судить объ его чудесномъ дѣйсшвіи и о вліяніи , какое имѣешъ на солдата примѣръ начальника. При эшомъ случаѣ , подо мною убиша

лошадь. Наконецъ усилія наши увѣнчались успѣхомъ, но кришическое положеніе нашего лѣваго фланга въ самую рѣшительную минушу бивы, и способъ, кошорымъ оно было исправлено, оснались неизвѣснными, попому что генераль Емануель, соединяя мужество съ скромностью, дѣлалъ свое дѣло и не хваспалъ.

Я долженъ здѣсь принести дань уваженія памяти полковника Пародовскаго, командира Лифляндскаго конноегорскаго полка, одного изъ храбрыхъ, падшихъ на поляхъ Коцбаха. Казалось, само небо осшерегало этого неуспрашимага офицера, опъ учаспи, кошорая его ожидала: въ Цобшенскомъ дѣлѣ, ядро упало у самыхъ ногъ его, и совершенно покрыло его землю; при Голдбергѣ, надъ головою его лопнула граната, кошорая сильно его оконшузила и обезобразила. Въ Кацбахскомъ сраженіи, ядро ошорвало у него голову. Миръ его славному праху!

Принужденная къ ошсупленію Французская армія съ шрудомъ могла совершить его въ порядкѣ, по причинѣ разлива рѣчки, подняшой безпрерывными дождями. Это обешояшельство доставило намъ на другой день новый успѣхъ при Пильграмедорфѣ, гдѣ Кіевскій драгунскій полкъ ошбилъ у непріяшеля семь орудій. Ошсупленіе Французской арміи сшановилось болѣе и болѣе запруднишельнымъ, опъ разлива

рѣкъ и дурнаго состоянія дорогъ испорченныхъ дождями. Переправа ея чрезъ Бобръ обѣщала намъ новую побѣду. Въ самомъ дѣлѣ 17 Августа, нашъ авангардъ въ соединеніи съ корпусомъ князя Щербашова заставилъ Французскую дивизію Генерала Пюшо положить оружіе, и уступилъ намъ всю свою артиллерію и обозъ. Мы продолжали преслѣдованіе чрезъ Герлицъ до самаго Рейхенбаха, но здѣсь непріятель началъ вдругъ дѣйствовать насупротивно, и опобилъ бы у насъ орудія, если бы Кіевскій драгунскій полкъ не бросился въ атаку, и не обратилъ въ бѣгство Французскихъ кирасировъ. Эшо служило признакомъ присущствія Наполеона, который желая исправить Кацбахскую неудачу, спѣшилъ сразиться съ нами. Но уничтоженіе корпуса Вандамма Россійскою гвардіею случившійся въ эшо самое время, принудило его возвратиться снова шуда гдѣ его дѣла насупротивно пребывали его присущствія.

Поспрадавъ много опъ дурной погоды, я заболѣлъ лихорадкою, что заставило меня опказаться на нѣсколько времени опъ участія въ шрудахъ моихъ сослуживцевъ. Получивъ позволеніе опшаться для поправленія здоровья, я поселился до совершеннаго выздоровленія въ Ауеръ, небольшомъ Силезскомъ городѣ. Горячка удержала меня въ постель цѣлый мѣсяць, оправившись опъ недуга и предвидя великія со-

бышія , я поспѣшилъ возврашиться къ моему мѣсту ; но по невозможности пробраться черезъ Дрезденъ , занятый непріятелемъ , долженъ былъ сдѣлать большой объѣздъ на высшую Лузацію. Къ величайшей досадѣ , я прибылъ въ армію въ ночь , кошорая послѣдовала за знаменитою Лейпцигскою битвою , однако я успѣлъ еще принявъ участіе въ подвигѣ , безпримѣрномъ въ лѣтописяхъ войны и кошорого вся честь принадлежитъ генералу Емануелю.

Въ качествѣ начальника авангарда , генераль нашъ имѣлъ обыкновеніе лично обозрѣвать положеніе непріятеля : на другой день послѣ Лейпцигскаго сраженія , онъ , исполняя эту добровольную обязанность , отправился за аванпосты , имѣя при себѣ только канишана Кюбеля , поручика Зельмицъ , меня , и восемь кавалеристовъ для прикрытія. Мы проѣхали вдоль по берегамъ Эльшера сколько было нужно нашему начальнику для его наблюденій и уже повернули назадъ , когда замѣтили двухъ человѣкъ , кошорые старались пробраться на противоположный берегъ по обломкамъ разрушеннаго моста , состоявшаго изъ поперечныхъ перекладинъ ; одинъ изъ нихъ старался провесити свою лошадь , кошорая поскользнулась , упала и исчезла въ волнахъ. Генераль Емануель подкакалъ къ мосту и угрозами принудилъ незнакомцевъ перейти снова на нашу сторону и сдаться.

Одинъ изъ плѣнниковъ разстегнулъ шинель, показалъ намъ свои знаки опличія, и объявилъ, что онъ Генераль Лорисшонъ. Мы поскорѣе его взяли съ собою. Не далеко отсюда намъ предсавилась довольно широкая улица Лейпцигскаго предмѣстія, кошорая пересѣкала нашу дорогу. Въ то самое время, какъ мы собирались чрезъ нее переѣхать, мы увидѣли Французскій батальонъ, кошорый шелъ въ величайшемъ порядкѣ, съ заряженными ружьями. Впереди находилось человекъ двадцать офицеровъ. Когда мы взаимно усмотрѣли другъ друга, мы остановились; къ счастью нашему, извилины проинки по кошорой мы ѣхали, и деревья, бывшія съ той стороны отсюда шелъ батальонъ, скрывали нашу малочисленность. Генераль Емануель, смекнувъ сей часъ, что шущь надобно дѣйствовать рѣшительно, пользуясь замѣшательствомъ произведеннымъ между Французами нашимъ неожиданнымъ появленіемъ, закричалъ имъ сипшоровымъ голосомъ: *Bas les armes*: «Бросайте оружье.» Изумленные офицеры начали совѣшываться между собою, но нашъ неуспрашимый генераль видя ихъ колебаніе, не далъ имъ времени размышлять и закричалъ имъ снова: *Bas les armes ou point de quartier*: «бросайте оружье, не то вамъ пощады не будетъ.» И въ то же мгновение махая саблею, обратился съ удивительнымъ присудшвіемъ

духа къ своему малочисленному опряду, какъ будшо для того, чшобы скомандовашь намъ ашаку. Но эша угроза произвела свое дѣйствіе, и вдругъ всѣ Французскіе ружья упали на землю какъ по волшебству. Тогда всѣ офицеры предводимые маіоромъ Ожеро, брашомъ маршала, поднесли намъ свои шпаги. Но, принявъ ихъ было нѣкому, и генераль сказалъ имъ съ благородствомъ, что онъ вѣришь ихъ чести, и освавилъ шпаги при нихъ. Тронутые такимъ знакомъ довѣренности, офицеры съ плѣннымъ батальономъ, по приказанію генерала, пошли впереди насъ. Мѣра необходимая чшобы скрыть отъ нихъ нашу малочисленность. Въ такомъ порядкѣ мы дошли до нашихъ аванпостовъ, отъ коихъ удалились-было на значительное разстояніе: достигнувъ до лагеря, мы могли подумать на досугъ объ опасности, отъ коихъ насъ чудеснымъ образомъ избавило присутствіе духа и отвага нашего Генерала. Если бы одному изъ нашихъ плѣнниковъ вздумалось насъ пересчиташь, мы бы погибли.

Лорисшонъ, углубленный въ размышленія во время сираннаго шествія слишкомъ чешырехъ-сошь человекъ, положившихъ оружіе предъ двѣнапцашью Русскими, обратился къ нашему начальнику съ вопросомъ.» Кому я имѣлъ честь отдать свою шпагу?»—«Вы имѣли честь сдать-«ся, отвѣчалъ онъ, Русскому генераль маіору

« Емануелю, командиру на эпошъ разъ шолько « шрехъ офицеровъ и восьми кавалерисповъ. » Надобно было видѣшь досаду и опчаяніе Лориссона и всѣхъ Французовъ. Взятые нами плѣнные приводили въ большее затрудненіе нашего генерала, кошорому надобно было ишши далѣе. Узнавъ что Ихъ Величества, Императоръ Россійскій и Король Прусскій, находяшся со всѣмъ своимъ ишабомъ на большой Лейпцигской площади, онъ предспавилъ самому Императору бывшаго Французскаго посла въ Россіи. Послѣ шоржешвеннаго приема при Россійскомъ дворѣ, шеперешнее предспавленіе должно было бышь горешшно его сердцу. Но Императоръ Александръ, своею ласковосью и доброшою облегчилъ ему шягосшь споль несчасшнаго положенія. Лейпцигская побѣда была ознаменована безчисленнымъ множесивомъ профеевъ и вѣрояшно по эпой причинѣ наши были едва замѣчены, даже эпошъ прекрасный подвигъ долго осшавался неизвѣшнымъ.

Если я рѣшусь издашь когда нибудь эши очерки на Французскомъ языкѣ, шо для шого чшобы сдѣлать извѣшными иносшранцамъ всѣ подробности эпого происшешвія. Французскіе писатели всегда превозносяшь до небесъ подвиги своихъ соошечешвенниковъ, и не ошошно опдають справедливосшь иноземцамъ, а особливо Русскимъ. Въ числѣ эшихъ писателей на-

ходишься Французскій генераль Гильомъ — Водонкуръ, который въ своемъ описаніи похода 1812 года, предсавляетъ вездѣ Русскихъ побѣжденными. По его рассказамъ, шолпы *варваровъ*, *татаръ* (*) бѣгутъ при появленіи нѣсколькихъ Франгузовъ. Изъ его словъ надобно заключишь, что испребленіе и изгнаніе Франгузской арміи въ 1812 году естъ послѣдствіе одержанныхъ ею побѣдъ. Не завидная же слава! Но господинъ Водонкуръ подчиваль насъ баснями, а я его угощаю исторією. — Корпусный командиръ, Маіоръ, двашцать офицеровъ, батальонъ изъ 400 человекъ побѣдоносной Наполеоновой арміи, положили оружіе передъ однимъ генераломъ *варваровъ* съ одиннаццанью *татарами*. Войска же эти принадлежали ешолъ прославляемой *большой арміи*: и въ этомъ случаѣ нельзя приписавъ *морозу* всю славу нашей побѣды.

Преслѣдованіе непріятеля отъ Лейпцига до Франкфурна не предсавляетъ ничего замѣчательнаго: Франгузская армія была въ совершенномъ разспройснвѣ. Баварцы, соединившіеся въ шо время съ нами, готовили своимъ прежнимъ союзникамъ въ Ганану приѣтъ, который долженъ былъ напомнишь Березину. Но Наполеонъ прошелъ невредимо, пошому намъ суж-

---

(*) Такъ онъ насъ называетъ.

дено было завѣщать нашимъ внукамъ еще компанію 1814 года, а мнѣ написать еще прѣсью часть моихъ записокъ.

Франкфуртъ на Майнѣ представилъ въ эту эпоху такое блистательное собраніе монарховъ, принцевъ крови, военныхъ и дипломатическихъ знаменитостей, какъ до тѣхъ поръ нигдѣ не бывало. Казалось, праздновали освобожденіе Германіи. Однажды, прохаживаясь съ генераломъ Емануелемъ по улицамъ города мы встрѣтили Прусскаго Короля. Его Величество, сказавъ нѣсколько словъ генералу, приспально посмотрѣлъ на меня, и удостоилъ спросить, не пошъ ли я офицеръ, котораго онъ видѣлъ въ Ландеккѣ. Услышавъ отъ генерала Емануеля, что я служу подъ его начальствомъ, Король поздравилъ меня съ этимъ. Прусскій фельдмаршалъ Блюхеръ далъ вскорѣ послѣ того великолѣпный праздникъ въ Висбаденѣ, къ которому приглашены были все офицеры его арміи. Спеченіе было слишкомъ велико, чтобы праздникъ эпошъ могъ доставить большее удовольствіе. Онъ замѣчательнъ былъ только по обстоятельству спвамъ того времени.

Такъ какъ все были увѣрены, что открытые тогда переговоры о мирѣ не будутъ имѣть никакихъ послѣдствій, то переправа Русской арміи черезъ Рейнъ назначена была 4 Января. Въ ожиданіи этого дня мы заняли

квартиры, въ мѣстечкѣ Гохгеймъ, который сообщилъ свое имя знаменитому вину. Такимъ образомъ кончилось второе дѣйствіе этой полической драмы, которой первое происходило въ нѣдрахъ Россіи въ 1812 году. Теперь исполинскими шагами мы приближаемся къ развязкѣ; описаніе прешяго и послѣдняго дѣйствія этихъ баснословныхъ событій, сославивъ предметъ слѣдующей главы.

При видѣ всѣхъ народовъ которые за годъ передъ нѣмъ восставали противъ насъ а нынѣ присоединили свои усилія къ нашимъ для дѣйствія противъ общаго врага, не казалось ли, что мы имъ вразумили смыслъ слѣдующихъ словъ Священнаго писанія :

Съ нами Богъ, разумѣйте языцы,
и покарайшеса яко съ нами Богъ.

Конецъ второй части и 1813 года.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

1814 ГОДЪ.

Si Deus pro nobis, quis contra nos.

Аще Богъ за ны, кто на ны.

Восхищительные берега Рейна, гдѣ мы обитали уже нѣсколько времени, заславили насъ забытъ прежнія спраданія: и когда мы сравнивали эту спокойную жизнь среди виноградниковъ и сельскихъ картинъ съ шѣмъ, что мы вынесли за годъ въ родныхъ снѣгахъ въ спрашную эпоху истребленія Французской арміи, невозможно не возблагодаришь небо за всѣ милости, кошорыя оно излило на насъ, и за то, что мы родились въ вѣкъ, кошорый, кромѣ разнообразія дивныхъ происшествій, предсавлялъ намъ спасительный урокъ, показывающій, что Провидѣніе управляетъ всѣмъ на свѣшѣ, и

что должно благоговѣшь передъ нимъ, хотя пуши его для насъ часно непоспимы.

Мы перешли Рейнь 4 Января 1814 года, между Кобленцомъ и Майнцомъ, въ Каубъ (Caub) самомъ живописномъ краю, какой только можно себѣ представить. Нашъ опрядъ былъ причисленъ къ корпусу генерала Графа Сен-при, назначенному для блокады Майнца. Такая будущность не очень намъ нравилась; она представляла мало славы и много скуки, между тѣмъ какъ оспальная часть арміи шла пожинашь лавры въ самомъ сердцѣ Франціи. Но на войнѣ ни за что отвѣчать нельзя: сего дня не знаешь, что будешь завтра и событія располагаются иногда такимъ образомъ, что производяшь результаты, совершенно противные тѣмъ, копорыхъ ожидаешь. Мы перешли Рейнь въ одно время съ корпусомъ генерала Олсуфьева, копорый шелъ принять участие въ событіяхъ, приготавлиющихся во Франціи, между тѣмъ какъ мы должны были оспаваться почти въ бездѣйствіи, блокируя крѣпость перваго ранга, копорую даже не намѣревались осаждать. Опъ этого различнаго положенія происходили, съ одной стороны радость, съ другой сожалѣнія. Осправляющіеся объ насъ жалѣли, а мы имъ завидовали. Но происшествія войны скоро измѣнили наши роли. Эпощъ самый генераль Олсуфьевъ былъ взятъ въ плѣнь съ цѣлою ди-

визією при Шанпъ-Оберъ (Champ-Aubert) а мы, одни изъ первыхъ приближались къ Парижу, и я, между прочимъ, выдержалъ первые выстрѣлы, раздавшіеся на снѣгахъ его вечеромъ 17 Марша.

Блокада Майнца занимала насъ до конца Января и во все это время не случилось ничего шакого, чшбъ споило рассказывать: непріатель даже не пытался беспокоить насъ вылазками. Зима была довольно суровая для той страны и по Рейну шло много льду.

Во Франціи, дѣла шли съ переменными успѣхами. Наполеонъ, въ крипическомъ своемъ положеніи, испощалъ всѣ средства воинскаго своего генія, чшобы нейтрализовать дѣйствія союзныхъ армій, предводимыхъ Княземъ Шварценбергомъ и Блюхеромъ и, пользуясь искусно нашими ошибками, прервалъ всѣ сообщенія между ними. Чшобы возстановить эти сообщенія, необходимъ былъ отдѣльный корпусъ, который бы содержалъ связь между той и другой. Для этого назначили корпусъ Графа Сен-При, усиленный одною Прусскою дивизією съ артиллерією, подъ командою генерала Ягова.

Въ концѣ Января мы сняли блокаду Майнца и пошли на Нанси, Гуль, Сен-Дизіе, Випри и Шалонъ-арнѣ, куда явились около половины Феврала. Въ Сен-Дизіе мы сдѣлали распахъ, чшобы собрать свѣдѣнія о положеніи обѣихъ

армій. Я былъ посланъ въ Монпьеранде (Montiender), чтобы получишь нужныя намъ извѣстія ошъ находившейся тамъ главной кварширы одного Пруссаго корпуса : никогда я не забуду этой поѣздки и сшраннаго приключенія , со мною случившагося. Дорога пролегала чрезъ дремучій лѣсъ, называемый la forêt de Montiegender, въ кошоромъ, по народнымъ преданіямъ, водятся нечисшыя духи. Мнѣ приказано было спѣшишь : но шакъ какъ я ошправился довольно поздно послѣ обѣда, ночь, черная какъ воронъ, засшала меня въ самой густошкѣ лѣса : зги невидашь ! Дорога впрочемъ казалась ровная, хошя земля была влажная ошъ шяющаго снѣга, и я скакалъ во весь опоръ, оспавивъ далеко за мною своего казака, кошорый на своей изнуренной клячѣ не могъ поспѣвашь за моимъ бѣрымымъ конемъ. Но вопъ вдругъ моя лошадь на всемъ скаку ошшанавилась сама, и споишь какъ вкопаная ; прошынувъ голову и упершысь на заднія ноги пошла храпѣшь, дрошашь всемъ шѣломъ, но шакою ужасною дрожью, что у меня самого морозъ по кожѣ пробѣжалъ. Я ей шпоры, она еще болѣе пшашисся, хочу поворошисъ, она на дыбы, вижу что дѣло-шо плохо, перекрестилсся въ ожиданіи шого что будешъ. Въ шакомъ кришическомъ положеніи я провелъ минушы при ; не могу изъяснишь какія шогда мысли пробѣжали чрезъ мою голову, но я увѣ-

ренъ былъ, что дорогу мнѣ преграждаетъ медвѣдь или какой нибудь другой звѣрь не лучше этого, я полагалъ навѣрно доспашься ему въ лапы; но вдругъ, могъ ли я того ожидать? лошадь моя пустилась сама собою съ мѣсна маршъ, маршъ!—и я держась обѣими руками за гриву чтобы въ случаѣ внезапной оспановки не слѣпѣвъ съ сѣдла, промчался нѣсколько верствъ съ неимовѣрною быспроною, не думая даже придерживать своего коня; наконецъ онъ самъ укротилъ шагъ, и я благополучно прѣхалъ къ мѣспу своего назначенія. Казакъ мой часа полпора послѣ того явился, и проѣхалъ благополучно. Я спалъ рассказывалъ свое приключеніе, но никакъ не могъ мнѣ располковать причины такого внезапнаго спраха, овладѣвшаго моимъ конемъ. Надобно полагать, что какой нибудь свирѣпый звѣрь скипался вблизи и надѣлалъ эшу превогу.

Получивъ отъ Пруссаковъ все нужныя свѣдѣнія о положеніи нашихъ армій, я возвратился на другой день въ Сентъ-Дизіе (Saint-Dizier) и мы выпутили вслѣдъ за шѣмъ въ походъ. По положенію союзныхъ армій, намъ необходимо было овладѣть городомъ Реймсомъ, копорый не задолго передъ шѣмъ былъ занятъ Французскимъ Гарнизономъ. Оспановившись въ Шалонѣ для отдыха, мы воспользовались эшимъ, чтобы посѣпить шамошній шеапръ, и видѣли

представленіе комедіи *Le sourd ou l'auberge pleine*; играна она была не дурно. Въ военное время не всегда удаешся посѣщать шеапры, какъ не воспользовашься шакимъ случаемъ, чшо бы забышь, хошь на время спектакля, чшо мы сами грозные акшеры съ мечемъ въ рукахъ, и чшо Франція нашъ шеапръ? Нашъ Авангардъ, подъ командою генерала Емануеля, первый вышупилъ изъ Шалона по дорогѣ къ Реймсу, и мы доспигли чрезъ нѣсколько дней деревню Силлери (Sillery) знаменишую по своему Шампанскому вину, и ошстоящую на 8 верспѣ ошъ Реймса.

Главная кваршира Графа Сен-При расположилась въ Силлери впредъ до занятія Реймса. Мы начинали замѣчашь непріязненное расположеніе въ жишеляхъ шой спрзны, и вооруженные мужики не разъ уже нападали на офицеровъ, ошправленныхъ съ приказаніями. Между прочимъ, офицеръ главнаго шшаба Князь А. М. Голицынъ, состояцій въ шо время при Графѣ Сен-При, былъ спасенъ шолько приближеніемъ нашего авангарда, изъ весьма запруднишельнаго положенія.

На другой день, по прибытіи нашемъ въ Силлери 21 Февраля с. ш., положено было произвеспи сильную рекогносцировку къ Реймсу. Между шѣмъ Графъ Сен-При хошѣлъ прибѣгнушь къ силѣ не иначе, какъ испощивъ всѣ миролюбивыя средшва, чшобы избавишь городъ ошъ

всегда пагубныхъ слѣдствій присупа. Выступивъ рано ушромъ , мы часа черезъ два были подъ стѣнами эшого города , прославившагося стѣмъ , что въ немъ всегда короновались Французскіе Короли. Ничто не предвѣщало намъ упорнаго сопротивленія , мы подошли уже почти къ самымъ стѣнамъ города , не встрѣпивъ никого , съ кѣмъ бы поговорить ; пушки на укрѣпленіяхъ молчали. Графъ Сен-При приказалъ расположивъ Прусскую башарею на пригоркѣ , на малый пушечный выстрѣлъ опъ города , и разбилъ подлѣ нея свою палашку. Тушъ онъ сочинилъ прокламацію къ Реймскимъ начальствамъ ; въ кошорой приглашалъ ихъ не дѣлать сопротивленія , чшобы не навлечь на городъ ужасовъ присупа , кошорога послѣдствія падушъ на ихъ опвѣщенность. Генераль Емануель и я были въ эшо время въ палашкѣ Графа , и шопъ опдалъ ему прокламацію , чшобы шопчасъ опсправить съ парламеншеромъ ; эшо порученіе дали мнѣ , а оно было довольно зашруднительно , пошому что , по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ , генераль Корбино , командовавшій въ Реймсѣ , зная всю важность ввѣреннаго ему пункта , рѣшилъ не принимать ни какихъ предложеній. Чшобы бытъ увѣреннымъ , что прокламація доидеть куда слѣдуешъ , еслибъ меня и не приняли , я взялъ съ собою одного Француза изъ ближайшей деревни , кошорый долженъ былъ опнести

ее въ городъ вслучаѣ, если бы мнѣ не удалось доставить самому. Такимъ образомъ, предшесшвуемый прубачемъ, и видя за собою моего Французскаго мужика, я опцравился въ пушь, и спускаясь къ пошернѣ увидѣлъ на стѣнахъ крѣпости множесшво людей всякаго званія, которые говорили и кричали все вмѣстѣ, шакъ что я не могъ разобрать ни слова во всемъ эшомъ шумѣ. Трубачъ мой надрывался, подавая парламеншерные сигналы, а я махалъ надъ головою своею бумагою, чтобы показанъ въ чемъ дѣло; но эшо не помогало. Я уже не зналъ что мнѣ дѣлать, какъ вдругъ раздался, посерединѣ эшого шума голосъ, который, кричалъ мнѣ—«удалишесь, не шо по васъ будущъ шрѣляшъ.» Мнѣ не хошѣлось однакожь успушпшъ эшой угрозѣ и не исполнишъ своего порученія; я нагнулся чтобы опдашъ мою бумагу мужику меня провожающему, и показалъ ему знакомъ чтобы онъ снесъ ее къ людямъ, споящимъ на стѣнахъ; но какъ скоро эшо движеніе было замѣчено съ укрѣпленій, огонь мелькнулъ изъ пушки, споявшей прямо прошивъ меня, и ядро пролешѣло надъ моею головою. При эшомъ сигналѣ, началась всеобщая канонада, и не прошло четверши часа, какъ у командовавшаго Прускою башарею капитана, опорвало ногу. Графъ Сен-При, послѣ эшой шщепной пышки, показавшей непреклонное намѣреніе не-

пріятеля, рѣшился возвратиться въ Силлери, чшобы пошановить дальнѣйшія дѣйствія. Прежде всего надобно было обозрѣть всѣ окрестныя мѣста, чшобы увѣриться, что намъ не придется сражаться съ другими непріятелями кромѣ нѣхъ, которые находились въ Реймсѣ: для этого, мнѣ съ собою казаковъ и драгунъ поручено было произвести рекогносцировку по направленію къ городамъ Фимъ (Fismes) и Соассонъ, (Soissons), но я не встрѣтилъ никого, кромѣ вооруженныхъ крестьянъ, которыхъ принужденъ былъ усмирить силою. Паршіи, посланныя въ другія стороны, также нигдѣ не встрѣчали непріятеля. Такимъ образомъ казалось что мы будемъ имѣть дѣло только съ однимъ Реймскимъ гарнизономъ, который, не смотря на свою рѣшимельность, не могъ быть многочисленъ; однакожъ, чшобы обозначить слабую сторону крѣпости, мы еще четыре дни сряду производили сильныя рекогносцировки, которыхъ не обходились безъ спычекъ, потому что непріятель всякій разъ высылалъ часть своего гарнизона къ намъ на встрѣчу, и дѣйствовалъ изъ крѣпости своей артиллерією. Наконецъ, положено было взять Реймсъ приступомъ 28 Февраля, на разсвѣтѣ. Пруссаки должны были сдѣлать фальшивую атаку на Суассонскія вооруженія, и такимъ образомъ, во время сраженія, они были бы отдѣлены отъ насъ рѣкою Велею

(la Vesle), текущую по направлению отъ Силлери къ Реймсу, и обходящую городъ. Генераль Емануель долженъ былъ обойти крѣпость и стараться проникнуть въ нее чрезъ вороватъ Берриобакскія, (Bergu-au-bac), представляющія самую слабую спорону. Графъ Сен-При съ главными силами хотѣлъ дѣйствовать на другихъ пунктахъ, смотря по обстоятельству. Положено было выступить изъ Силлери ровно въ полночь, и соразмѣрять маршъ такимъ образомъ, чтобы быть въ состояніи начать атаку на самомъ разсвѣтѣ; а чтобы не возбудить вниманія дурно расположенныхъ къ намъ жителей, вѣрно было идти съ правой спороны дороги полями для занятія назначенныхъ по диспозиціи мѣстъ. Такъ какъ Авангардъ нашъ уже цѣлую недѣлю расхаживалъ во всѣхъ направленіяхъ по сраженію, лежащей между Силлери и Реймсомъ, и эти мѣста были мнѣ совершенно извѣсны, то генераль Емануель поручилъ мнѣ вести первую колонну, за кою должны были слѣдовать всѣ другія. Ночь была темна такъ что въ двухъ шагахъ ничего не видно; но какъ на этомъ походѣ очень не трудно было слѣдовать по данному направленію, то я не опасался заблудить колонну. Съ часъ уже были мы на маршѣ, и все шло какъ не лзя лучше; вдругъ корпусный кварширмейстеръ, капишанъ М... , подѣхалъ ко мнѣ и просилъ, чтобы я

успушилъ ему обязанность вести колонну. Я дѣйствительно исполнялъ его должность, и потому мнѣ странно было бы оспаривать ее у него; я возвратился къ генералу, и сказалъ ему, что капитанъ М..., пожелалъ самъ вести колонну. Вскорѣ я замѣчаю что насъ ведутъ вправо, а это необходимо удаляло насъ отъ настоящаго направленія; я сообщилъ мое замѣчаніе капитану М..., но онъ увѣренъ былъ, что мы слѣдуемъ по настоящему пути. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько времени мы опять принимаемъ косвенное движеніе, потомъ еще разъ, и третій разъ, и наконецъ дѣлаемъ сколько изворотовъ, что я самъ не могъ уже распознать гдѣ мы. Колонна остановилась и капитанъ М..., казалось не зналъ, какое направленіе слѣдовало принять. Никто не могъ бы навесити его на настоящій путь, потому что со всеми маршами и контрмаршами, которые мы при часа дѣлали, невозможно было распознать мѣста въ такой шестности; въ этой нерѣшимости, оставалось только идти на удачу впередъ. Вскорѣ мы вышли на какую-то большую дорогу; — опять новое затрудненіе, потому что на нашемъ пути не было ни какой большой дороги. Какая жъ она могла быть? Допустить можно было только одно предположеніе, именно: что мы прошли уже мимо Реймса и находимся на одной изъ дорогъ, ведущихъ изъ этого города въ Решель

(Rethee) или Берри-о-бакъ, (Berry-au-bac): въ такомъ случаѣ надобно было принять вѣво, чшобы приблизиться къ Реймсу, и это было общее мнѣнiе; но едва только сдѣлали мы нѣсколько сотъ шаговъ въ этомъ направленiи, какъ вдругъ встрѣпились лицомъ къ лицу съ опрядомъ, который шелъ прямо на насъ. Велико было наше удивленiе, и даже ужась; пошому чшо кто можешь предвидѣть слѣдствiя ночнаго сраженiя посреди глубочайшей пьмы? Надобно было предполагать, чшо это непрiатель, чшо за ранѣ предувѣдомленный о нашей ашпакъ, онъ спѣшишь очистишь городъ, дабы избавишь его опъ бѣдствiй приступа. Предположенiе наше было еще шѣмъ подшверждено, чшо въ прошивоположныхъ рядахъ раздались крики: «Москаль.» Уже орудiя наши сняшы съ передковъ, заряжены каршечью и направлены; въ такомъ положенiи каждая минуша дорога, пошому чшо превосходшво оснаешся обыкновенно на споронѣ шого, кто первый началъ ашпаку. Уже орудiя готовились извергнушь смершь; еще минуша, и каршечь вылетѣла бы изъ пушекъ какъ вдругъ, со спороны предполагаемаго непрiателя, послышался голосъ нашего корпуснаго командира, графа Сен-При, который прискакалъ къ намъ, чшобы узнать, чшд все это значишь. Дѣло въ шомъ, чшо проводивъ насъ часа чешыре по полямъ, капитанъ М...

повелъ насъ назадъ по дорогѣ, ведущей изъ Реймса въ Силлери, гдѣ мы и встрѣшились съ графомъ Сен-При, который высунувъ ошпуда подвигался съ резервомъ къ Реймсу, чшобы на разсвѣтѣ принявъ начальство надъ всеми своими войсками, которыми уже давно слѣдовало бытъ на мѣстахъ. Еще минуша, и наша каршель поразила бы нашего корпуснаго командира: я и шеперь не могу безъ ужаса подумать о томъ, что едва-едва не случилось. Не было никакихъ средствъ вознаградить пошерянныхъ часовъ, потому что не предсавлялось даже возможности поспѣть на мѣсто ко времени, назначенному для произведенія общей ашпаки. При томъ Пруссаки шли по другому пути, и какъ они были ошъ насъ ошдѣлены рѣкою, то нельзя было ихъ предупредить во время, и они начали бы свою фальшивую ашпаку прежде нашего прибытiя, что необходимо разстроило бы все наши планы. Намъ оставалось только идти какъ можно скорѣе впередъ, хотя день уже занимался, потому что несчастная эша прогулка продолжалась всю ночь, и набашъ, который мы слышали издали, показывалъ намъ что Пруссаковъ увидѣли. Вскорѣ раздались пушечные выстрѣлы, и мы уже не могли болѣе сомнѣваться, что со стороны Пруссаковъ завязалось жаркое дѣло. Генераль Емануель пошчасъ пошелъ съ кавалерiею впередъ на рысяхъ, и мы поспѣшно

обогнувъ городъ, вышупили на долину по кошорой идешь дорога, ведущая въ Берри-о-бакъ, въ шу самую минушу, какъ непріятельскій башаліонъ, состоящій изъ какихъ нибудь пяписохъ человекъ, выходилъ изъ города съ такимъ же числомъ кавалеріи. Эшотъ башаліонъ держался превосходно, и ни одинъ изъ нашихъ семи эскадроновъ не могъ разстроить его, не смощря на многія поочередныя ашаки; аршиллерія наша была еще далеко назади, и такимъ образомъ башаліонъ ушелъ опъ насъ; но за шо мы ударили на кавалерію, загнали ее въ Велю и совершенно испребили. Между шѣмъ Пруссаки, производя фальшивую ашшаку, овладѣли городомъ, и эшо счасливое проишешствіе вполне вознаградило насъ за непріятности прошедешей ночи.

Взашіемъ эшого важнаго пункша, порученіе, данное графу Сен-При, было исполнено, пошому что разославъ въ разныя спороны опдѣльныя опряды, мы могли содержашь сообщеніе между обѣими арміями. Графъ Сен-При рѣшилса ошашься въ Реймсеъ, и расположишь войска по кварширамъ, шакъ опъ былъ увѣренъ, что нападенія ождашь нѣ ошкуда. На другой день 29 Марша, назначено было опслужишь благодарешвенный молебень за одержанную наканунѣ побѣду. Но въ шошь же день, въ одиннадцашь часовъ ушра, шощасъ послѣ божешвенной службы, мы съ

величайшимъ изумленіемъ услышали у ворошь Реймса пушечные выстрѣлы; весь штабъ былъ въ минушу на коняхъ, чѣобы посмошрѣшь, чѣо значашъ выстрѣлы въ шакомъ близкомъ разстояніи опъ насъ. Прискакавъ къ Соссонскимъ ворошамъ, мы услышали чѣо неприяшельскій опрядъ въ нѣсколько эскадроновъ, съ двумя пушками, производя рекогносцировку, подошелъ къ самымъ ворошамъ, увидѣлъ нашу пѣхошу, бросилъ нѣсколько ядеръ, и послѣшно опешупилъ. Плѣнный, взяшый нашими фланкѣрами, объявилъ, чѣо передъ нами самъ Наполеонъ. Все предвѣщало однакожъ, чѣо день не пройдетъ безъ какого нибудъ важнаго происшествія и дѣйствительнo въ ¼ часа по полудни, мы вдругъ видимъ, чѣо изъ-за холма, скрывавшаго опъ насъ настоящія силы неприяшеля, вышупають огромныя массы кавалеріи и передъ ними идешъ многочисленная артиллерія, кошорая послѣшно направляетъ прошивъ насъ свои пушки, и на эшомъ нѣсномъ проспрансивѣ начинаешся ужаснѣйшая канонада. Реймсъ былъ живо защищаемъ, и особенно у мѣста на Велѣ происходила жестокая сшибка, гдѣ нашихъ было одинъ прошивъ десяти,—кровавѣ эшой сѣчи нельзя себѣ представить. Въ самомъ пылу боя, корпусный командиръ нашъ получилъ смертельную рану въ плечо и принужденъ былъ оставить команду въ шакое время, когда при-

существование его было всего нужнее; но искусные распоряжения генерала Емануеля, который поспешно принял команду, и счастливая диверсия, произведенная в пылу неприятеля Рязанским пехотным полкомъ, подъ командою храбраго полковника Скобелева, поправили наше положение, и мы всю ночь удерживали за собою Реймсъ, хотя имѣли дѣло съ самимъ Наполеономъ и съ силами, несравненно превосходящими наши.

На другой день, мы не будучи преслѣдуемы, отступили въ направленіи къ Берри-о-бакъ и примкнули къ арміи фельдмаршала Блюхера, который въ то время занималъ Ланъ, (Laon).

Графъ Сен-При былъ такъ же поспѣшно перевезенъ туда, и недѣли черезъ двѣ скончался; но передъ смертію онъ имѣлъ удовольствіе видѣть что заслуги его признаны и награждены; Государь Императоръ пожаловалъ ему за взятіе Реймса орденъ св. Георгія въпорой степени.

Но кратковременные успѣхи, которые Наполеонъ одерживалъ въ теченіи этой кампаніи, только воздымали его гордость и внушали ему новыя притребованія на конгрессѣ, происходившемъ въ то время въ Шапильонѣ. Такимъ образомъ всѣ эти частные успѣхи обращались къ его пагубѣ, и даже взятіе Реймса, открывъ ему путь, по которому онъ пошелъ черезъ

Вишири на Сень-Дизіе, въ надеждѣ спастъ на линіи нашихъ сообщеній, и между тѣмъ только открылъ намъ дорогу въ Парижъ, послужило къ его гибели.

Въ Ланѣ положено было, чтобы генераль Емануель снова принялъ начальство надъ авангардомъ корпуса Графа Ланжерона, и тамъ мы получили извѣстіе, что Императоръ Александръ рѣшился идти прямо на Парижъ какъ скоро убѣдился, что Наполеонъ вознамѣрился ушвердиться въ тылу нашихъ армій.

Изъ Лана мы пошли по самой прямой дорогѣ къ Эперне, чтобы достигъ большой Парижской дороги, которая пролегаетъ черезъ Шапотиерри (Château-Thierry) и Мо, (Meaux). Мнѣ поручено было обозрѣвать страну и открывать непріятеля съ шестидесятью казаками и сорока драгунами; такимъ образомъ я промчалъ дорогу нашему опряду до самаго Дормана, (Dormans) нигдѣ не встрѣчая непріятеля; на пути мы овладѣли городомъ Эперне (Epernay) знаменитымъ по своему шампанскому вину, и воины въ Русскихъ мундирахъ въ первый разъ посѣтили шамонніе погреба; многочисленныя любители этого опраднаго вина съ наслажденіемъ пили за успѣхи нашего оружія. Продолжая идти впередъ и не встрѣчая нигдѣ сопривлениа, мы пришли 14 Марша въ Эшожъ, (Etoges); здѣсь генераль Емануель получилъ

приказаніе взяшь съ собою роту Піонеровъ, два пѣхотныхъ полка, Архангелогородскій и Староингермонландской, Кіевскій драгунскій полкъ, Казачій полкъ, 24 орудія и опшравившись съ эшимъ опрядомъ въ Трильпортъ, (Trilport) близъ Мо, чшобы шамъ навесши мостъ на рѣкѣ Марнѣ; (la Magne). Бригада Прусской пѣхоты, подъ командою генерала Горна (Horn), должна была прійши по другой дорогѣ шуда же, чшобы въ случаѣ нужды подкрѣпишь насъ. Эшо порученіе было весьма важно и его слѣдовало исполнить съ величайшею быспрошою; переходъ былъ великъ, и генераль Емануель выснушилъ въ шу же ночь. Чшобы прикрывъ лѣвый свой флангъ, онъ опрядилъ меня съ моею паршією кавалеристовъ къ Ребе (Rebais) для обозрѣнія всей страны, лежащей между эшимъ мѣстечкомъ и Трильпоромъ, гдѣ я долженъ былъ присоединишь къ нему; въ Ребе я узналъ послѣдствія побѣды, одержанной Россійскою Гвардією при Феръ-Шампенуазѣ (Fère-Champenoise), и поспѣшилъ донесши объ эшомъ генералу. Я продолжалъ свой путь спокойно; жители деревень скрывались при появленіи моихъ казаковъ, впрочемъ были смирны, и не пыпались сопротивляшь, какъ шо случилось въ окрешностяхъ Реймса. Дойдя до Трильпора, я увидѣлъ чшо мостъ уже наведенъ, не смотря

на сопрѣвленіе непріятеля, и что часть нашихъ войскъ была уже на помѣ берегу Марны.

На походѣ оиъ Эпожа къ Трильпору, генераль Емануель, производя рекогносцировку на Ла-ферше-сужуаръ (La Ferté Sous-Jouarre) лежащемъ на Марнѣ, нашелъ тамъ непріятеля въ большихъ силахъ: онъ расчислилъ что пользуясь извилинами рѣки, можно предупредить въ Трильпорѣ эти войска, и ославилъ тамъ небольшой отрядъ, чтобы занять непріятеля фальшивою демонстраціею, а самъ пошелъ форсированнымъ маршемъ, дабы достигнуть мѣста, назначеннаго для наведенія моста. Прибывъ въ Трильпоръ, онъ увидѣлъ, что бригада генерала Венгана съ орудіями защищаетъ переправу. Успроены башарей, и войска наши приступили къ наведенію моста, кошорый не смотря на картечные выстрѣлы непріятеля, былъ окончанъ съ такою быстротою, что произвелъ изумленіе въ Прусской бригадѣ, подоспѣвшей какъ бы нарочно для того, чтобы быть свидѣтельницею подвига. Пока мостъ строился, башалонъ Архангелогородскаго полка переправился черезъ рѣку на судахъ, случайно найденныхъ въ Трильпорѣ; онъ былъ встрѣченъ картечью, но Русскій штыкъ опрокинулъ все, что ему пришлось. Велѣдъ за шѣмъ, по окончаніи моста, наша пѣхоша и Прусская бригада перешли его послѣднимъ шагомъ и продолжали гнать непріятеля

къ Мо. Въ то время я съ небольшимъ моимъ отрядомъ прибылъ въ Трильпортъ, и также послѣшилъ переправиться на другой берегъ. Я векоръ обогналъ нашу пѣхоту, и встрѣтивъ парнію непріятельской кавалеріи преслѣдовалъ ее до самыхъ воровъ Мо; на возвращномъ пути я очутился въ тылу Французской пѣхоты, и какъ было уже довольно поздно, то я воспользовался эшимъ, и пронесся по интерваламъ непріятельскихъ баталіоновъ, пуская побѣдные крики, которые изумили непріятели неожиданнымъ появленіемъ кавалеріи по среди рядовъ его, но все это было произведено такъ быстро, что, когда Французская пѣхота вздумала сдѣлать по насъ нѣсколько выстрѣловъ, я былъ уже далеко и присоединился съ своими наѣзниками къ генералу.

Быстрое и удачное наведеніе мосна на Марнѣ было чрезвычайно важно для послѣдующихъ происшествій, пошому что на другой же день Силезская армія фельдмаршала Блюхера переправилась по немъ, чтобы идти на Парижъ, а извѣстно какъ важна была въ это время каждая минута, пошому что Наполеонъ едва не подоспѣлъ для обороны Парижа. И кто знаетъ, чтобы тогда случилось? Мы провели ночь съ 15 на 16 число въ виду Мо, и другой тревоги не было кромѣ той, которую произвелъ взрывъ

порохового магазейна , зажженного непріа-
шелемъ.

Марша 16 мы продолжали итти къ Парижу , ошъ кошораго находились въ 48 версахъ ; я по прежнему открывалъ маршъ съ сошею ка-валерисповъ , дѣлая разѣзды вправо и влѣво , и нигдѣ не встрѣчалъ непріашеля . На другой день приказано было продолжашъ походъ , но не предпринимашъ непріязненныхъ дѣйствій до двухъ часовъ по полудни . Надобно думашъ , чшо тогда ожидали предложеній о сдачѣ Парижа и спарались доказашъ , чшо желаюшъ избѣжашъ кровопролитія . Къ несчастію , въ шощъ же день , когда я проходилъ съ своею паршіею черезъ одну деревню , на насъ спали спрѣлянъ изъ-за плешней и заборовъ , и убили у меня нѣсколько казаковъ : эшо заснавило меня опражашъ силу силою и спило жизни нѣкопорымъ изъ эшихъ заблужденныхъ поселянъ . Генераль Йоркъ , проходившій шущъ въ шощъ же вечеръ , замѣнилъ слѣды недавной спычки и приказалъ разыскашъ , кшо осмѣлился пресшунить приказаніе — не предпринимашъ до двухъ часовъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій ; но когда узнали , какъ эшо произошло , оказалось чшо я не могъ посшунить иначе .

Дорогою я получилъ приказаніе спарашься проникнушъ въ мѣспечко Гонессъ (Gonesse) лежащее въ 8 версахъ ошъ Парижа , нѣсколь-

ко вправо опъ большой дороги, и объявишь мѣспному начальству, что вечеромъ того же дня корпусъ генерала Тюрка расположишь на бивуакахъ въ окрестностяхъ этого мѣсечка и чтобы жишелі пригосовили съѣстныхъ припасовъ, дровъ и соломы на 40,000 человекъ. — Я опсправился въ Гонессъ копорый, какъ говорять, славишь просподушiemъ своихъ жишелей и лежишь въ углубленіи не подалеку опъ большой дороги. Я осшавилъ офицера съ половиною моего опряда въ наблюдашельномъ положеніи, а осшальную половину взялъ съ собою. Издали можно было видѣшь какъ я спускался по горѣ съ небольшимъ своимъ опрядомъ, и эшо зрѣлище, эшоль новое для жишелей, привлекло ко мнѣ на вспрѣчу почти все народоселеніе мѣсечка шакъ, что я всшупилъ шуда посреди двухъ рядовъ зѣвакъ. Между шѣмъ, замѣтая на лицахъ болѣе безпокойшва чѣмъ любопышшва, я обратился къ эшой шолнѣ, просилъ указать мнѣ гдѣ я могу найши Мера, и прибавилъ, что мнѣ велѣно предувѣдомить мѣспныя начальшва, что вечеромъ того же дня Прусскій корпусъ расположишь близъ мѣсечка на бивуакахъ; что надобно пригосовить для него съѣстныхъ припасовъ, что Имперашоръ Россійскій, всемилошвивѣйшій Государь мой, запрешилъ подъ спрощайшими наказаніями, чтобы солдатъ входилъ, подъ какимъ бы шо нибыло предлогомъ, въ

жилица и претовалъ чего бы шо нибыло , что мы приносимъ имъ миръ и что по всей вѣроятности союзныя арміи завтра уже вступятъ въ Парижъ. Эша рѣчь, ешоль новая и почти непосиживая для большой части моихъ слушателей, навлекла на меня цѣлый градъ вопросовъ, на которые я отвѣчалъ какъ можно короче , и какъ мнѣ времени шеряшь было нельзя шо просилъ проводишь меня въ муниципалитетъ. Я нашель шамъ Мера и помощниковъ его , и объявилъ имъ чего ошъ нихъ претовуюшь , не забывъ прибавишь , что право собственности будетъ свяшо уважаемо. Они , казалось , были весьма расположены угождать намъ, и обѣщали исполнишь все , чего ошъ нихъ пошретовуюшь. При прощаніи эши добрые люди просили меня вписашъ мое имя въ муниципальную книгу , и удивленіе ихъ было испиинно забавно, когда они узнали, что я не Французъ, не сынъ какого нибудь эмигранта , и что *казакъ* можешъ свободно объясняншься на ихъ языкѣ. По исполненіи, шакимъ образомъ даннаго мнѣ порученія я былъ провожаемъ, можно сказашь, съ шоржешвомъ. Жители Гонесса показались мнѣ очень добрыми людьми, и по эшому шо, можешъ бышь, Парижане прославили ихъ просшаками. Признаюшь что послѣ явленій, происходившихъ шромъ, я думалъ, что найду въ Гонессѣ по крайней мѣрѣ баррикады на улицахъ; я даже ошдалъ сообразныя съ эшимъ приказанія и шой части

опряда, кошорая была со мною, и шой, кошорая оспавалась на шоссе и должна была, при первомъ выспрѣлѣ, кошорый услышишь, показаться на горѣ, чшобы успрашишь жипселей видомъ неожиданнаго подкрѣпенія. Но къ счастью все происходило какъ нельзя лучше (*). Я присоединился къ офицеру, мною оспавленному на шоссе, и векорѣ Парижъ разоспался передъ нами. Въ шомъ мѣсѣ гдѣ дороги изъ Соассона и Мо сходящяся, казаки мои оспавновили дилижансъ, ѣхавшій въ Парижъ. Зная склонность ихъ къ добычѣ, я далъ лошади шпоры и прискакалъ къ дилижансу въ самое время, чшобы успокоить нѣсколько пушешеспвенницъ, кошорыя расплакались и перенугались при неожиданномъ появленіи моихъ казаковъ. Я спалъ ушѣшашъ ихъ по-Французски, велѣлъ ихъ пропуспишь, и онѣ осыпали меня благословеніями: всѣ эти пушешеспвенники совершенно не знали, чшо мы были пакъ близко и чшо союзныя арміи прыближались уже къ Парижу и готовились вснуспишь шуда. Я просиль ихъ со-

---

(*) Находясь въ 1822 году въ Парижѣ, я изъ любопытства посѣпилъ Гонессъ, и нашель тамъ шого же самага мера кошорый меня встрѣчалъ въ 1814 году. Онъ и при Наполеонѣ былъ въ душѣ приверженцемъ Бурбоновъ, и потому не шрудно было ему сохранишь свое мѣсто при перемѣнѣ правленія.

общинъ эту добрую вѣсть Парижанамъ. Мужчины, бывшіе въ дилижансѣ, отдали мнѣ свои каршочки, и предлагали мнѣ свои услуги въ Парижѣ, убѣждая меня посѣтить ихъ, чшобы они могли изъяснить мнѣ свою признашельность. Дилижансѣ ошправился, и ушѣщенные мои Парижанки изъясляли мнѣ свою признашельность махая издали планками въ знакъ радости, которая засшунила мѣсно ужаса; но вскорѣ я перешелъ къ другой сцѣнѣ. Приближеніе моихъ кавалеристовъ засшавило нѣсколько засшрѣльщиковъ выйти неосшорожно въ поле: казаки мои ошрѣзали имъ ошсшупленіе и взяли ихъ въ плѣнъ. Въ это самое время Императоръ Александръ приближался съ большою армією къ Парижу по Бондійской дорогѣ и, не ожидая видѣшь такъ рано войска наши съ шой спороны ошкуда мы шли, прислалъ спросить къ какому корпусу мы принадлежимъ. Его Величество еще не зналъ объ удачномъ переходѣ черезъ Марну. Между шѣмъ генераль Емануель явился со всѣмъ авангардомъ и весьма кшпаши произвелъ сшасшливую диверсію, ашпаковавъ флангъ войска, съ кошорымъ большая армія должна была сражашься. Императоръ Александръ, бывъ свидѣшелемъ этого дѣйствія, прислалъ объявить нашему генералу свое благоволеніе. Ночь съ 17 на 18 Марша мы провели близъ деревни Обервилъе (Aubervilliers) ввиду Па-

рижа, и всю эту ночь я не могъ сомкнуть глазъ, хотя имѣлъ большую нужду въ покой. Трудно было увѣришься, что видѣлось все это на яву, что мы находимся у самыхъ воротъ Парижа—Парижа, котораго одно имя уже такъ много говоришь—что послѣ лагерной жизни, исполненной опасностей, превозъ и лишений, мы погрузимся во все наслажденія новаго Вавилона; но, вдругъ мнѣ приходило въ голову, что Французы подходя къ Москвѣ, льстили себя нѣми же надеждами, и мечпы мои смѣнились заботами. Но я говорилъ самъ себѣ: « Французы не Русскіе; они не способны пожертвованъ «своею столицей, которая для нихъ важнѣе «всего: да и мы не Французы, чтобы хотѣшь «поработишь Францію, какъ они хотѣли пора- «ботишь нашу отчизну.» Эти различныя размышленія всю ночь не давали мнѣ уснуть; на другой день, рано утромъ, все были въ самыхъ блестящихъ мундирахъ, воображая, что ворота Парижа пошчасъ отворяшея и намъ останется только вступить шуда церемоніальнымъ маршемъ. Но завоеваніе столицы Франціи не должно было совершишь безъ послѣдняго жертвованія со стороны союзниковъ.

18 Марша на разсвѣтѣ мы пошли къ Монмаршру и пѣхота наша завязала переспрѣлку съ войсками, которыя занимали Ла-Виллетъ (La Villette), и защищали окрестности Парижа. Съ

Монмаршра безпресначно сыпались на насъ ядра; на лѣвомъ флангѣ, гдѣ находилась Императорская главная кваршира, происходила упорная и кровопролитная борьба, особенно на холмѣ Шомонскомъ, (butte Chaumont); но всѣ высоты съ этой стороны часа въ два по полудни, были взяты. Монмаршрѣ еще держался, и по своему положенію казалось, долженъ былъ стоить большихъ пожертвованій. Въ три часа Графъ Ланжеронъ получилъ повелѣніе Государя Императора овладѣвъ этою высотой, во что бы то ни стало, и отрядилъ генерала Емануеля съ 2000 кавалеріи въ Нелли (Neuilly) чтобы обойши Парижъ и дѣйствовашъ опъ засады *de l'Etoile*, ведущей въ Елисейскія Поля. Надобно было опасаться, что Монмаршрѣ, съ котораго огонь не прекращался цѣлое утро, окажешь упорное сопротивленіе, что было бы весьма легко, по причинѣ бесприны, покосни, и множества плешей и заборовъ, которыми испещренъ во всѣхъ направленіяхъ хребенъ его. Генералъ Рудзевичъ, которому поручено было овладѣвъ этою высотой, устроивъ свои колонны къ аштакъ, просился съ нами какъ человекъ, идущій на вѣрную смерть. Но къ величайшему нашему удивленію, непріятель сдѣлалъ только нѣсколько залповъ изъ своей артиллеріи, и войска наши овладѣли Монмаршромъ шакъ скоро, какъ можно было войти на гору.

Съ шой минуши Парижъ былъ уже нашъ. Между шѣмъ, еще до успѣха эшой ашпаки, мы опшравились исполнить данное намъ порученіе, и я по прежнему, шелъ впереди съ моими всадниками. Когда мы дошли до аллеи, ведущей въ Нельи, вокругъ ушей моихъ засвиспали пули: нѣсколько человекъ спрѣляли изъ-за баррикады на мосту, кошорымъ оканчивается эша аллея. Такъ какъ не большое число засѣвшихъ за баррикадою солдатъ, могло бы безпокоить насъ своими выстрѣлами, я велѣлъ моимъ драгунамъ итѣшиться, и они быспрою ашпакою опрокинули баррикаду, разогнавъ человекъ придцать, кошорые ее защищали: они были опшавные солдаты Императорской гвардіи жившіе въ Нельи. При эшой сшибкѣ у меня былъ раненъ офицеръ и нѣсколько солдатъ вы- было изъ фронта. Въ эшо время прибылъ генералъ Емануель съ своимъ опрядомъ, и направивъ пушки прошивъ войскъ, защищавшихъ заспау de l'Etoile, засыпалъ ихъ ядрами. Вскорѣ съ эшой спороны появился Парламеншеръ и сказалъ намъ, что капитуляція Парижа уже подписана. И дѣйствительно мы вслѣдъ за шѣмъ, получили официальное о томъ извѣстіе. Тогда было шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ мы провели ночь съ 48 на 49 Марша въ Нельи, исполненные энтузіазма, кошорое необходимо

должно было возбуждать въ насъ такое завоеваніе.

На другой день 19 го Марша, мы заняли Булонь, (Boulogne), пройдя сначала черезъ лѣсъ того же имени, копорый совсѣмъ не соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ. Мы нигдѣ не встрѣчали сопротивленія, и хоша насъ увѣрили, что подъ Сенъ Клудскимъ (S-Cloud) мостомъ усроена мина, однако мы перешли его благополучно и успѣшили осмошрѣшь великолѣпный шамошній дворець, копорый еще не успѣли запереть. Найдя флигель Маріи-Луизы еще открытымъ, мы не упустили этого случая поиграть на этомъ инструментѣ, привыкшемъ издавать звуки подъ нѣжными пальцами Императрицы Французовъ; шеперь жилишья, почернѣвшія ошъ пороху, руки воиновъ, прибывшихъ изъ нѣдръ Россіи сквозъ шьячи опасностей и сраженій, оглашали удивленные слѣны замка звуками гимна god save the king въ честь нашего великодушнаго и обожаемаго Монарха. О какія эти были восхишительныя минушы для Русскаго сердца! онѣ вполне вознаграждали насъ за всѣ опасности и лишенія, черезъ копорыя надобно было пройти, чтобы досичь до такого дивнаго собышнія. Въ шось же день союзные Монархи торжешвенно вступили въ Парижъ въ головѣ Русскихъ колоннъ.

На слѣдующій день, 20 Марша, я получилъ

позволеніе съѣздити въ Парижъ, котораго еще никогда не видалъ. Тѣмъ, которые спросили бы меня, что мнѣ казалось всего удивительнѣе, я бы еще съ большимъ основаніемъ чѣмъ Венеціанской Дожь могъ отвѣчать — «по, что я здѣсь,» разумѣется, побѣдителямъ и дѣйствительно, видъ всѣхъ эпитъ Калмыковъ и Башкирцевъ, которые бродили по улицамъ щеголевашаго Парижа, соснавя совершенную противоположность съ лицами и костюмомъ Парижанъ, стоило, по своей странности, появленія гордаго Дожа при дворѣ Французскомъ. Я посѣтилъ въ эпошъ день все что успѣлъ! — Тюльери, Пале-Рояль, большой Оперный театръ, гдѣ скромность нашего Государя не позволила предсавити, «торжествъ Траяна.» Давали «Веселку,» и публика заснавила актера Лаиса (Lays), закоренѣлаго республиканца, зашянушъ прошивъ воли пѣсню *Vive Henri IV.* Уже Французы успѣли сочинити подъ эпошъ голосъ куплеты въ честь нашего Императора, которые начинались такъ: *Vive Alexandre vive ce Roi des Rois!* и приняны были съ оглушающими рукоплесканіями. Послѣ предсавленія нашъ Государь только что вышелъ изъ театра, какъ молна бросилась въ ложу Наполеона и изломала въ куски бывшаго на ней Императорскаго орла, разбивъ такимъ образомъ кумиръ, который еще на канунѣ обожала. Сцѣна, достойная Пари-

жанъ! Та же участь предославлена была колоссальной спашуѣ, споявшей на Вандомской колоннѣ (colonne de la place Vendôme), на которую уже были накинуты арканъ дабы низвергнуть ее; но она была бронзовая, и усшояла прошивъ усилій новорожденныхъ эншюзіастовъ, а пошомъ съ нашей спороны приняшы были мѣры для предупрежденія дѣйсшвій Парижскаго сумасбродства. Имперашоръ Александръ, глядя на эшу колонну, произнесъ слова, заключающія въ себѣ глубокой смыслъ. «Еслибъ я споялъ шакъ «высоко, сказалъ онъ, у меня бы голова закружилась.» Августѣйшій досшойный преемникъ его воздвигнулъ ему монументъ безсмершный: но что возвышаенся на вершинѣ эшого монумента?... Эмблемы вѣры и смиренія! Et nunc discite, gentes.... Но для меня кампанія была еще не кончена, и я шолько мѣлькомъ могъ взглянуть на Парижъ; по крайней мѣрѣ я получилъ поняшье о видѣ эшой огромной сполицы, шарой грѣшницы, оставленной Богомъ и пользовавшейся въ шеченіе пяшидесяши лѣтъ почти исключительною незавидною привилегією надѣляющъ Европу войнами и смушами. Я присоединился къ своему генералу въ Арпажонѣ. Мы получили приказаніе продолжашь военныя дѣйсшвія къ споронѣ Фоншенебло, (Fontainebleau), пошому что союзные Монархи не хотѣли подражашь безпечноши Наполеона въ Москвѣ,

спойвшею ему шакъ дорого. Пока онъ былъ на ногахъ, мы не должны были засыпать. Мы прошили Монлери, (Montlhéry) Лимуръ (Limours) и 28-го Марша встрѣтили непріятеля близъ городка Лаферше-Аллè (La Ferté Allais) въ 46 верстахъ отъ Фонтенебло. Мы бросили нѣсколько ядеръ, и съ удивленіемъ увидѣли, что наша артиллерія произвела въ непріятельскомъ лагерѣ величайшій безпорядокъ. Вслѣдъ за тѣмъ являлся парламентаръ, и просещуешъ прошивъ того, что онъ называлъ нарушеніемъ права народовъ, пошому что Наполеонъ отказался отъ престола и между воюющими сторонами заключено перемиріе. Мы въ первый разъ о шомъ слышали, и какъ подобное извѣстіе мы должны были получить не отъ Французскаго парламентаря, шо и отвѣчали, что еще не имѣемъ ни какихъ предписаній на эшотъ случай и можемъ только позволить непріятельскому генералу отступитъ, не превожа его, но что городъ долженъ бытъ намъ сданъ. Такимъ образомъ онъ достался къ намъ въ руки: но вечеромъ того же дня мы получили предписаніе генерала Васильчикова, кошорый въ шо время сдѣлался нашимъ командиромъ, прекратитъ военныя дѣйствія и остановитъся тамъ, гдѣ эшо предписаніе насъ застанетъ. Вслѣдствіе эшихъ новыхъ распоряженій, согласовавшихся съ увѣреніями Французскаго парламентаря, генераль Емануель послалъ

сказавъ непріятельскому генералу , что , получивъ приказаніе прекрашши военныя дѣйствія , онъ готовъ сдать ему городъ Лаферше-Алле . Само собою разумѣется , что Французскій генераль долженъ былъ скорѣе получиши извѣстіе о перемиріи , кошорое было слѣдствіемъ опрѣченія Наполеона , подписаннаго въ Фоншенебло опъ кошораго войска его были шакъ близко , шогда какъ мы получали приказанія изъ Парижа . Однако , не принимая эшо въ уваженіе , онъ опвѣчалъ , что послѣ вчерашняго происшествія , онъ хочешъ имѣши заложника , чтобы быши увѣреннѣмъ въ своей безопасности . Объ эшомъ не шло и спориши , и я назначенъ былъ служиши господамъ Французамъ аманашомъ впредь до опрѣделеннаго перемиріемъ разграниченія .

Здѣсь предспавляешся довольно замѣчательный эпизодъ военной моей жизни .

Я опправился во Французскій лагерь ; въ немъ командовалъ генераль Пике (Piquet) , и войско его сосшало изъ одной кавалеріи , принадлежавшей большею часнію къ почешной спражѣ , *garde d'honneur* , и сосшавляющей часшъ корпуса генерала Бордесу , (Bordesoult) . Такимъ образомъ я провелъ при дня въ общешвѣ Французскихъ офицеровъ , и жилъ у ихъ генерала . Они съ величайшимъ раздраженіемъ видѣли злополучіе своего Имперашора , кошораго обожали . Одинъ шолько рокъ , кошорый уже нѣ

сколько времени шагнешь надъ нимъ, говорили они, заснавилъ его опречья опъ преснола, когда опъ еще имѣнешь въ рукахъ сколько средствъ для продолженія войны. И шупь они начинали исчислять эти средства, конорья, по ихъ мнѣнью, состояли въ томъ, чшобы Наполеонъ опспунилъ съ своимъ войскомъ въ Вожскій Департаментъ, (Département des Vosges): тамъ окруженный неприсшупными крѣпостями, онъ могъ бы собрать все опшующееся во Франціи войска, призванъ Вице-короля Испаніянскаго съ его армією, вышребовашъ Даву съ его корпусомъ изъ Гамбурга, чшо соснавило бы пошчасъ армію въ 450,000 человекъ; пошомъ сдѣлашъ воззваніе ко всей Франціи, провозгласишъ, чшо опшечество въ опасности, уничтожишъ декрешъ Сенаша, и членовъ его объявишъ измѣнниками. Вошъ чшо, по словамъ этихъ господъ, могъ сдѣлашъ Наполеонъ, но одинъ рокъ помѣшалъ ему. Я опшвѣчалъ только, чшо въ нашей арміи не знаютъ чшо такое рокъ и все опносяшъ Провидѣнью. Въ числѣ этихъ говоруновъ особенно опшичалея довольно увлекательной болшовнею Пигго-Лебрешъ (Pigault-Le-Brun), сынъ авшора многихъ безнравственныхъ романовъ. Миѣ любопышно было вшрѣстишъ шунъ шѣхъ самыхъ кавалерійскихъ офицеровъ, конорые дрались съ нами въ Реймсѣ, и я съ удвольствіемъ слышалъ, чшо они называютъ это

наспоящею западнею, попому что совершенно неожиданно были осыпаны градом пуль съ пылу. Они разумѣли диверсію, сдѣланную полковникомъ Скобелевымъ съ Рязанскимъ полкомъ, кошорый обратился ихъ въ бѣгство. Разговоры наши были, какъ изъ этого видно, довольно занимательны.

Въ числѣ офицеровъ, бывавшихъ у генерала Пике, я замѣнилъ одного полковника командира 40-го Гусарскаго полка, челоѣка съ пасмурнымъ лицомъ кошорый вѣчно сморщѣлъ на меня скося, и никогда не говорилъ со мною; въ физиономіи его было что то опврашительное; онъ былъ смугль, плешивъ, и вообще голова его походила на черепъ. Однажды генераль Пике опозвалъ меня въ спорону и сказалъ, что эпомъ полковникъ безпреспанно спарается возбуждашь въ немъ безпокойство, увѣряя что въ слѣдующую ночь мы намѣрены напасть въ расплохъ на его войско, и что я присланъ только для того, чтобы подговаривать дезершировъ. При эпомъ неожиданномъ признаніи, я спросилъ генерала Пике: «Вѣрите ли вы, сударь, бреднямъ вашего полковника? Генераль, нѣсколько смущенный моимъ вопросомъ, и опривисшимъ пономъ, съ кошорымъ я его произнесъ, опвѣчалъ, что онъ съ своей спороны не можетъ полагать, чтобы въ Русской арміи были люди, способные къ посшупку споль не-

доброе совѣшному, что между нѣмъ и долженъ былъ извинить подозрительность полковника, пошому что въ послѣднее время въ полку его было много дезертировъ, что припомъ наша ашпака въ шакое время, когда надобно было предполагать, что мы уже получили извѣшнїе о перемирїи, могла нипать подобныя подозрѣнїя въ челоуѣкѣ, подавленномъ сполькими злополучїями; а что касается до ночнаго нападенїя, копорымъ ему угрожали, шо эшо основано единшвенно на словахъ деревенскихъ жипелей пришедшихъ изъ нашего лагеря. «Въ шакомъ «случаѣ, генераль, возразилъ я съ нѣкошорою «живосшью, я долженъ вамъ объявить, что, бу- «дучи единшвеннымъ здѣсь предсавишелемъ «Русской арміи, не могу унизиться до шого, «чтобы опровергать вѣшпи, придуманныя г. «полковникомъ 40-го гусарскаго полка; но по- «зволю себѣ замѣнить вамъ, что онъ долженъ «былъ бы помнитъ рыцарскїй посупокъ нашъ «съ вами не далѣе какъ шрешьяго дня, когда, «заснавъ васъ въ расплохъ мы, по вѣмъ пра- «вамъ войны, могли ишпрѣбить опрядъ вашъ, «и между нѣмъ, по первому вашему предсша- «вленїю, позволили вамъ покойно ошсшупить, «не хоня сражаться съ непрїяшелемъ, копорый «не пригошовился къ оборонѣ. Позвольте еще «прибавить, что если кто можетъ жаловаться «на явное нарушенїе права народовъ, шо имен-

«но я, потому что съ мѣсяць шому назадъ я «былъ посланъ парламеншеромъ въ Реймсъ съ «предложеніемъ сдачи и былъ принятъ пушеч- «нымъ выспрѣломъ.» Не желая продолжашъ эшо- го разговора, я поклонился генералу, и не спалъ дожидашься его ошвѣша. Въ оснальную часпъ дня обхожденіе наше было довольно холодно, не пошому чшобы холодноспъ происходила со спороны генерала, но пошому чшо, послѣ ока- занныхъ мнѣ подозрѣній, я уже не могъ сво- бодно предавашься онккровенному разговору. Эшопъ случай напомнилъ мнѣ, чшо ушромъ шо- го же дня я игралъ у генерала на билльярдѣ съ однимъ офицеромъ и, когда мы осшались одни, шопъ шашншвенно подошелъ ко мнѣ, признал- ся, чшо хощѣлъ бы перейши въ нашу армію, и просилъ меня помочь ему. Я бросилъ на него взглядъ, изъ кошораго онъ могъ заключишъ какъ я принялъ эшо сообщеніе, и вмѣспо ошвѣша предложилъ ему доиграшъ нашу пар- тію. Я уже забылъ эшо приключеніе, какъ раз- говоръ съ генераломъ напомнилъ мнѣ его, и я до- гадался, чшо эшопъ офицеръ подосланъ былъ гу- сарскимъ полковникомъ, шѣмъ болѣе чшо онъ былъ его полка. Между шѣмъ подозришельный полковникъ продолжалъ хлопшашъ и суешшпъ- ся; впослѣдшвіи я узналъ, чшо эшопъ самый полковникъ заспрѣлился съ ошчаяніи послѣ сра- женія при Ваперлоо, кошорое на всегда поло-

жило конецъ могуществу Наполеона. На другой день, рано ушромъ вславъ съ поспели, пошчасъ сошелъ я въ госпиную генерала Пике, и къ удивленію моему нашель тамъ множество офицеровъ всѣхъ чиновъ, за исключеніемъ одного только полковника: они всѣ были въ полной формѣ, и казалось, провели всю ночь безъ сна. Генераль пошчасъ подошелъ ко мнѣ, дружески пожалъ мнѣ руку и сказалъ: « извинише, что мы васъ оскорбили нашимъ подозрѣніемъ, думая, что ночь не пройдетъ безъ нападенія съ вашей стороны; но полковникъ 40-го гусарскаго полка, ушверждалъ, что онъ совершенно увѣренъ въ шомъ что говоришь, и грозилъ мнѣ такою опшвѣщенностью, что я принужденъ былъ принять всѣ нужныя мѣры прошивъ нечаяннаго нападенія: вошъ почему мы успроили баррикады при всѣхъ входахъ въ городъ, и всю ночь простояли за ними.— Жаль мнѣ, господа, опшвѣчалъ я, что вы провели такую безпокойную ночь а я, между шѣмъ, выспался какъ нельзя лучше. Я надѣюсь, что вы будеша благодарны за то, что я избавляю васъ опъ упрековъ, кошорые бы имѣлъ полное право вамъ сдѣлать, вы люди съ чеспью, и вѣрно сами себя упрекаете; не я спану огорчаша васъ въ положеніи, и безъ шого довольно шягостномъ.

Часовъ въ десять ушра пріѣхалъ Генераль

Емануель , чтобы окончательно опредѣлить границы: само собою разумѣется, что я не говорилъ ему, при эсихъ господахъ, какое прекрасное мнѣніе они объ насъ имѣютъ, положеніе мое было бы слишкомъ выгодно и при томъ надобно извинить людей въ несчастіи.

Война такимъ образомъ кончилась: мнѣ привелось еще быть нѣсколько дней комендантомъ въ городѣ Эшанпъ (Etampes); послѣ чего я просилъ позволенія ошдохнуть въ Парижъ, и пріѣхалъ туда около половины Апрѣля. Имя Императора Александра было во всѣхъ ушахъ, благодѣянія его во всѣхъ сердцахъ; шамъ я узналъ, что Наполеонъ ошправленъ на ошпровъ Эльбу, и въ эшомъ дивномъ окончаніи происшедшій, кошорыхъ я былъ свидѣтелемъ впродолженіи года и восьми мѣсяцевъ, я видѣлъ ясное наказаніе ему за вшорженіе въ Россію, и за оскорбленіе святыни нашихъ алшарей. Борьба между Александромъ и Наполеономъ предшавилась мнѣ какъ борьба между Геніемъ добра и геніемъ зла, въ кошорой первый не могъ не взять поверхноши.

Бурбоны были возвращены Франціи. Я видѣлъ какъ графъ d'Аршуа (Monsieur, clomte d'Artois), вѣзжалъ въ Парижъ; никогда не думалъ я, чтобы народный эншузiazмъ могъ доходить до безумія подобнаго тому, какое овладѣло Парижанами при видѣ эшого Принца. Его возносили

до небесъ , цѣловали помы его плащя , всѣ рыдали;эшо было невообразимое упоеніе. Окружающіе его вырывали съ восшоргомъ другъ у друга бѣлыя леншочки , кошорья онъ бросалъ въ народъ и шущъ же vzdѣвали въ пенлицу. Я самъ былъ пронущъ до слёзъ эшою каршиною.

Я старался показашъ въ эшомъ крашкомъ разсказѣ какое видимое покровишельство небо оказывало намъ въ продолженіе эшой доспопашной войны : и не замѣшно ли шущъ дѣйствіе благаго Провидѣнія , когда мы видимъ что наше опечешство нынѣ еще болѣе распешъ въ силѣ и благоденствіи , подъ управленіемъ Государя мудраго , просвѣщеннаго , великодушнаго , добродѣшельнаго и сильнаго душею , кошорый руководшвуется испиною и правосудіемъ и всегда будешъ побѣждашъ враговъ общешвеннаго спокойшвія , пошому что носилъ въ сердцѣ своемъ девизъ :

Si Deus pro nobis, quis contra nos?

Аще Богъ за ны , кто на ны ?

К О Н Е Ц Ъ .

О П Е Ч А Т К И.

	Вмѣсто:	Читай
Стр. Строка.		
65	3. (сънизу) Шалонъ—арнѣ	Шалонъ на Марнѣ.
70.	3. Видя	Ведя
74.	4. Rethce	Rethel
79.	48. Промчалъ	Прологалъ
84.	48. Ошдѣланъ	Наведенъ
84.	45. Венгана	Венсаиа (Vincent)

Be

2007044066

1000
MS

